

КРАСНЫЕ
ЛУНЫ
КВЕРТИНДА

МЕНТОР ЧЕРНОГО ПАУКА
ОРДЕН КРОНА. БАНДА ИЗГОВЕВ
ОРДЕН КРОНА. АРМИЯ СВОБОДЫ

О Р Д Е Н
К Р О Н А
АРМИЯ СВОБОДЫ

НИНА МАЛКИНА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М19

Иллюстрации на переплете и форзаце *EKinveyl*
Разработка серийного оформления *Кати Петровой*
Дизайн обложки *Александра Андреева*

Малкина, Нина.
М19 Орден Крона. Армия свободы / Нина Малкина. — Москва :
Эксмо, 2024 — 416 с.

ISBN 978-5-04-187073-7

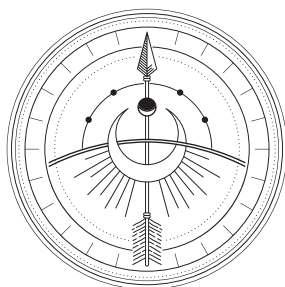
Чтобы родился новый мир, нужно дотла спалить старый. Армия свободы шагает по Квертинду, выжигая на своём пути наследие некогда величайшей династии. Скоро из пепла и крови родится свободное от старых правил и проклятий королевство.

Только Квертинд не сдаётся без боя. Он преподносит новые сюрпризы и заставляет меня иначе посмотреть на всё, что я знала раньше.

Меня зовут Юна Горст. И больше я не смеюсь в лицо опасности.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187073-7 © Малкина Н., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА I

ВДОВИЙ ПЛАЧ

Наш баркас шёл плохо. Море лупило ледяными кулаками в борта и раскачивало палубу. На каждую крохотную волну жалкое судёнышко взбиралось неохотно и с явным облегчением плюхалось в тёмную гладь, чтобы в следующую секунду сделать очередной героический рывок.

От такой качки завтрак стоял у меня в горле, но наружу, к счастью, не просился. Я полулежала в трюме, натягивая на нос задубевший от соли плед. Вытянуться в полный рост мешали огромные тюки с провизией, ящики с оружием и запечатанные бочки. Казалось, они распирали нутро трюмной каюты и заставляли баркас натужно стонать от боли. Несчастный рыболовный корабль не был приспособлен для перевозки грузов, поэтому его жалобный деревянный вой заглушал даже громкий плеск волн.

«Хрррррр», — новый крен развернул судёнышко влево, и меня, как тряпичную куклу, метнуло на вязанку курток и ватников. Я вцепилась в неё репейником и посильнее стиснула зубы.

— Погода не способствует морским прогулкам, — голос с палубы ворвался вместе с порывом ветра и брызгами пены. — Но мы скоро прибудем. До острова Гриффорд часа три пути, не больше.

Я сощурилась от тусклого света. Тёмный силуэт загораживал почти весь проход, пах морем и едва уловимо — терпкой

пряностью. От сладкого запаха тошнота всё же дала о себе знать. Тяжело вздохнув, я откинула покрывало и села. Потёрла глаза.

Со вчерашнего дня поспать так и не удалось.

После встречи с Джером я вернулась в свою комнату, намереваясь хорошенько отдохнуть перед поездкой. Но вместо этого долго ворочалась в постели, раздумывая о трудной жизни квертиндцев и о своей собственной судьбе. «Неужели я так никогда и не стану счастливой? Может, ментор прав и такая свобода, которая требует борьбы, только гнетёт и портит благополучие?» — без конца вертелось в мыслях. В качестве последней попытки заснуть я сунула голову под подушку, но и это не спасло. Мешало всё: звёздный свет из окна, мерное сопение соседок, слишком холодная постель, миг показавшаяся уютной. К утру сон так и не пришёл, поэтому я плюнула на попытки провалиться в забытё и вышла из академии рано, ещё до песни Сирены. Знакомое «Как сладок сна конец...» настигло меня, полностью собранную и готовую к поездке, уже в приюте.

— Мы вовремя отбыли, как раз до отлива. — Демиург сел напротив и протянул мне исходящую паром кружку. — Так что трудностей в пути не возникло. Если любишь морские пейзажи, можешь подняться на палубу. Оттуда открываются восхитительные виды на архипелаг. Мы как раз подплываем.

Я обхватила ладонями посудину с горячим напитком, понюхала. Чихнула, потёрла заледеневший кончик носа, но всё-таки прохрипела в ответ:

— Не люблю.

Первый же глоток приятно согрел внутренности и протолкнул тошнотворный ком в желудок.

В металлической кружке плавали несколько ягод шиповника и листья мяты. Удивительная простота для того, кого невозможно представить без роскоши в каждой мелочи. Но сегодня признать в господине Демиурге создателя Ордена Крона было невозможно: напротив сидел обычный мужичок в рваной рыбац-

кой одежде и натянутой на лоб шапке. Небритьи, с обветренным лицом и обкусанными, как у меня, губами. Даже глаза одинакового цвета — мутно-коричневого.

— На берег я с тобой не сойду, — начал инструкцию ненастоящий рыбак. — Там тебя встретит Татовский: проводит к лагерю и обеспечит безопасность.

Говорил он тоже по-иному — коротко, отрывисто, по делу. Да и вообще выглядел недовольным, угрюмым, словно не одобрял грядущую встречу. Или брезговал.

— Мне может что-то угрожать? — Я оторвалась от питья и глянула из-под растрёпанных волос.

Судно снова бросило в сторону, и мы оба припали на бок. Кружка булькнула и обдала горячими ароматными каплями, но на дне ещё осталось немного чая. Поймав равновесие, я допила остатки и притулила посуду на какой-то из ящичков.

— Лагерь охраняется не хуже приюта Ордена, так что вряд ли. — Демиург всё-таки взмахнул пальцами, по своей изящной привычке. Без перстней этот жест смотрелся по-дурацки. — К тому же тебя защитит твоя фамилия. Дочь Тезарии Горст уже стала символом сопротивления, а после твоего появления в лагере армии весть разнесётся во все уголки Квертинда.

Он замолчал, разглядывая свои ногти.

— И это привлечет в Орден новых людей для будущей войны, — продолжила я вместо него предсказывать очевидные последствия. — Подарит квертиндцам надежду на победу и веру в лучшее, свободное будущее. Всё, как вы и говорили. Так?

— Всё так, — согласился Демиург, но радости по этому поводу не явил. — Свободный Квертинд. Новые правила.

— Свободные квертиндцы, — невольно поправила я, вспомнив вчерашний вечер. Поймала удивлённый взгляд собеседника и спешно оправдалась: — То есть... Конечно, Орден хочет вернуть Крона в королевство, пытается остановить разрушение и проклятие. Но ведь мы ещё сражаемся за людей, правда? За тех, кого Иверийские принуждения привели к нищете и лишениям.

Эта война ведь нужна им, господин Демиург? Она изменит жизнь квартиндцев к лучшему? Сделает их счастливее?

Шквал вопросов прозвучал слишком наивно, но мне хотелось услышать подтверждение тому, что я всё делаю правильно. Что Джер ошибался, когда говорил о том, что квартиндцы не хотят свободы. Только не ценой войны.

Господин Демиург посмотрел странно, но улыбнулся. Почему-то стало легче, хотя обычно настроение владельца театров меня не тревожило.

— Всё верно, Юна, — непонятно чему обрадовался мужчина. — Мне нравится ход твоих мыслей. Сражаться за квартиндцев, а не за Квертинда! Звучит как новый лозунг, — он внимательно осмотрел меня и приказал: — Повернись.

— Зачем? — сразу же оцетинилась я, но всё же развернулась к нему спиной.

Ловкие пальцы причесали волосы, натянули до лёгкой боли и принялись заплетать толстую косу.

— Знак соединения должен быть виден издалека, — пояснил Демиург, перевязывая своё творение грязным шнурком. — Старайся вытягивать шею. Шагай смело, будто за тобой уже идёт многотысячная армия. Смотри прямо, но без вызова. И помни, что меня не существует для всех этих людей. На вопросы о господине Демиурге отвечай уклончиво, не подтверждая и не развеивая свою связь с создателем.

— Вы так говорите, будто мы любовники, — развернулась я, но наткнулась на совершенно серьёзный взгляд.

— Позволь квартиндцам создавать свои сказки, — он поднялся и подал мне руку. — А сказки про любовь они любят больше всего.

Я угрюмо уставилась на мужскую ладонь, всерьёз раздумывая, не укусить ли её. Так сказать, в приступе любовной страсти. Но баркас начал замедлять ход, и я всё-таки поднялась, держась за пузатые бочки. Вгляделась в дверной проём, где замаячили фигуры ещё двух рыбаков — судя по пошлым ухмылкам, вполне настоящих.

— И ещё, — шепнул на ухо Демиург перед тем как выйти. — По традиции приют Ордена Крона устраивает праздник для кроуницкой знати в честь Дня Династии. Высокородные квертиндцы завтра явятся к закату в сопровождении спутников. В этом году моей спутницей будешь ты.

— Нет, — быстро отказалась я.

— Это был не вопрос. — Он подтолкнул меня к выходу. — Мы с тобой должны рассказать нашу сказку ещё кое-кому.

— Я завтра занята, — соврала я.

И сразу же вспомнила танцующий бестиатриум. Скучный праздник в академии, который я собиралась пропустить, отлёживаясь в комнате. Или обжираясь в теплицах с Комдором. Или в библиотеке Голомяса, на худой конец. Давненько там не появлялась.

— Элигия поможет тебе с дамским туалетом, — как будто не услышал моего аргумента господин Демиург. — Зайдёт к тебе с утра и принесёт всё необходимое. На праздничный маскарад в приюте нельзя являться в студенческой форме.

— Только не она! — запротестовала я. — Если вы снова пойдёте ко мне Элигию, тогда я точно не приду!

— Договорились, — легко согласился мужчина, и я поняла, что попала в ловушку. — Тогда найди приличное платье, сделай причёску и не забудь надеть маску.

Он придержал меня за локоть, будто боялся, что я сбегу прямо сейчас и больше никогда не вернусь. Море снова толкнуло судно, и на палубу посыпались крупные капли от боковой волны, вызвав крепкие ругательства рыбаков. До нас долетели только солёные брызги пены, которые я быстро смахнула рукавом.

— Ты теперь часть Ордена Крона, Юна, — напомнил Демиург, воспользовавшись заминкой. — И у тебя есть обязательства не только перед его армией, но и перед теми, кто её снабжает. Эти люди не мёрзнут в лагерях, но их вклад не менее важен. Будь добра, явись завтра вовремя.

— Кем! — крикнули с палубы, и я не сразу поняла, что кричат нам. — Ты девку-то не лапай! Руки за неё пообрубают!

— Или чего похуже, — хмыкнул второй рыбак с тощей шей. — Вон уже рыщут, аки волчары, по берегу!

— А я и не лапаю! — пробасил Демиург у меня над ухом, и я подпрыгнула — то ли от громкости, то ли от непривычного говора. — Было бы за что её лапать!

— Вы что, представились Кемом?! — прошипела я сквозь зубы.

Мужики засмеялись, оценивая меня сальными взглядами. Самозванец... Кем вместо ответа поднялся по скрипучей лестнице и удивительно гармонично вписался в компанию простых рыбаков. Что-то сказал им вполголоса, и те снова заржали.

Я поднялась следом, жмурясь от утренней хмари и отряхивая труху с ладоней — перила, как и всё на этом баркасе, давно требовали ремонта. Запахнула накидку, выдохнула облачко горячего пара и направилась к самому носу — подальше от мужской компании.

Погода была самой что ни на есть кроуницкой — низкое серое небо и туманная изморось, перемешанная с солёными брызгами.

За низким бортом пенилось и бурлило Холодное море, неохотно пропускающее баркас к Гриффорду. Укрытый лесом остров торчал над поверхностью моря гигантским заснеженным валуном с лысыми откосами и выглядел абсолютно необитаемым. В ложбинках горы ютились лишь клочья тумана да сосновые рожицы.

Я подула на ладони, замёрзшие от прикосновения к холодному дереву, и вгляделась в подножие Гриффорда. Чёрные точки на белоснежном фоне быстро вырастали в размерах и становились вполне реальными людьми.

Нас и правда встречали.

Вдоль берега бродили трое вооружённых мужчин. Теперь я даже узнала Бешеного Крейга, человека из пятёрки Татя. Его цепкий

взгляд пронизывал до костей — мужчина коршуном высматривал пассажиров дряхлого судёнышка. Заметив меня, удовлетворённо кивнул и жестом подозвал двух других встречающих.

Низкий причал под сапогами бойцов тонул в тумане, но чем ближе мы подбирались, тем заметнее становились крепкие сваи, ровный настил и даже отлично сколоченный сарай с добротной крышей. Сразу за ним низкая скала расступалась, образуя неширокий проход, в котором разглядеть что-то не представлялось возможным. Высокие деревья выстроили плотную сеть вдоль всего прибрежного подножия, и заснеженные кроны нависали прямо над кромкой моря.

Потянуло едким, горьким дымом, и я закашлялась. Обернулась на попутчиков — те мелькнули тремя огоньками дымящихся самокруток и довольными рожами. Пару секунд я смотрела на Демиурга, надеясь на последние напутствия, но он даже не повернулся в мою сторону. Поднёс к губам папиросу, затянулся и с хриплым хохотом выдохнул дым, охотно беседуя с рыбаками.

— Юна! — крикнули с берега, и я чуть не вывалилась за борт.

Покрепче вцепилась в край, ожидая столкновения, но судно осторожно и плавно ткнулось носом в причал, разгоняя облака прибрежного тумана. Один из парней накинул швартовый канат и притянул баркас ближе.

— Добро пожаловать на Гриффора! — Крейг подал руку и улыбнулся.

Наверняка он хотел выглядеть дружелюбным, но бешеным этого бойца Ордена Крона назвали не зря: его вечно бегающие глаза и подёргивающийся кадык выдавали в жилистом парне взрывной нрав. Я могла поспорить, что Крейг имел изначальную огненную склонность, но вряд ли поблизости нашелся бы детерминант для подтверждения моих выводов.

— Привет, Крейг, — бросила я и с его помощью легко перепрыгнула на пирс.

И снова оглянулась — не смотрит ли Демиург? Хоть одним глазком. Может, всё-таки проконтролирует высадку Юны Горст

на остров? Нет, лжерыбака больше интересовал догорающий окурок в его грязных пальцах.

— Твоего визита парни ждали больше, чем бренди в вишнёвых бочках! — похлопал меня по плечу Крейг, не заметивший замешательства. — Как добралась?

— Хорошо, — активно закивала я.

Отряхнула накидку от капель, постучала сапогами. Несколько лирн звякнули в карманах в такт крику единственной олуши, восседавшей на крепкой ограде.

— Эти хмыри тебя не обижали? — Крейг кивнул в сторону тройки на баркасе и заорал: — Слышь, хмыри, вы её не обижали?

— Гар-гар-гarr! — нахально закрякала желтоголовка за нашими спинами.

Мужчины же, в отличие от олуши, настороженно притихли. Насупились. Оценили взглядом вооружённых парней, потоптались на месте.

— Обижал один, — охотно пожаловалась я. — Вон тот, в серой шапке. Остальные не трогали.

Это была шутка для Крейга, но вместо ответного смешка он неожиданно поманил к себе пальцем Демиурга.

И только сейчас до меня дошло, что Бешеный Крейг, возможно, понятия не имел, кто на самом деле находится среди угрюмых рыбаков. Да, парень бывал в Приюте, но вряд ли хоть раз поднимался в кабинет или вообще заходил в поместье.

Тролье дерьмо! Я умудрилась нарушить главный приказ Демиурга в первые же пять минут. Плохое начало...

— Иди-иди, — подгонял Крейг замешкавшегося мужчину. — Объяснять тебе буду, как ты был неправ.

— Не надо, — я попыталась схватить бойца за рукав, но тот ловко вывернулся. Поставил ногу на короткий столб, опёрся локтем о колено и снова гаркнул:

— Сюда подошёл!

В глазах рыбаков мелькнули одновременно страх и ненависть, но никто не предпринял попытки к сопротивлению или хотя бы диалогу.

Демиург молча перебрался на пирс, опустил глаза, словно и правда был виноват, и сразу сделался каким-то маленьким, прямо крохотным.

— Мы ништо, господин, — замямлил он. — И пальцем не тронули, потопаи меня Вейн! Мы грузы всегда в целости доставляем, знаете ведь... Да кто ж станет-то! — В мутных глазах читалась мольба. — Кто ж станет портить чужое добро — будь то выпивка или девка...

Я даже рот раскрыла от изумления — так убедительно создатель Ордена Крона играл роль напуганного мужика. Он ещё носом хлопнул и сжался в комок, когда Бешеный Крейг навис над ним угрожающей тучей.

— Для тебя это не девка, а госпожа Горст! — Боец с размаху пнул Демиурга в живот, и я дёрнулась вместе с ним. Неосознанно подалась ближе и хотела извиниться хотя бы взглядом, но согнувшийся пополам Демиург смотрел под ноги и хватал ртом воздух. Его напарники стыдливо отвернулись, делая вид, что ничего не произошло. Только смелая олуша зашумела крыльями, спрыгнула с торчащей балки и взмыла в воздух.

— Разгружайте, — приказал Бешеный Крейг притихшим рыбакам.

Моего «обидчика» он решил больше не наказывать, и я с облегчением выдохнула. «Простите», — прошептала одними губами, когда Демиург всё же глянул в мою сторону. Разобрать эмоцию не успела, потому что спешно двинулась вслед за Крейгом к широкой тропе между крутыми откосами.

Дорога на удивление была хорошая, расчищенная, протоптанная сапогами и копытами. И недолгая: вскоре мы спустились к военному поселению, подобно Понтону, расположившемуся прямо на пологих откосах и чуть плотнее — в неширокой низине. Потрёпанные шатры стояли близко друг к другу, плавая

в тумане, как серые поплавки. Кое-где желтели пятна огня, тянуло костровым духом и запахом еды.

— Смотрите, идёт! — крикнули слева, и я вдруг остановилась. — Это наша Горст!

— Где Горст? — раздался совсем близко звонкий голос.

Я растерянно оглянулась: ко мне бежали люди, выплывали из тумана радостные лица — мужские, женские. Юнцы прикладывали кулак к груди, восславляя Квертинд, взрослые мужчины салютовали оружием. Даже старики — матёрые, тренированные, настоящие воины — почтительно склоняли головы. Пара краснощёких мальчуганов, ещё не парней, но уже по-взрослому крепких, хором крикнули: «Горст!»

— Вы вся в мать, — схватила меня за руку пожилая женщина в шерстяном платке и с добродушной улыбкой смахнула слёзы: — Похожа. Похожа!

Я с сомнением улыбнулась ей и смущённо пожала тёплую ладонь, оторопев от такой встречи. Я не знала никого из этих людей и не сделала ничего, чтобы заслужить тёплый приём. Это что, тоже происки Демиурга? Побочное действие легенды о выжившей дочери Тезарии, освободительницы Квертинда от Иверийского гнёта?

— Но-но! — сквозь разрозненную толпу пробирался Тать, распахивая локтями зевак. — Близко чтоб никто не подходил, ясно? — прикрикнул на людей, хватая меня в широкие объятия.

Одет он был как заправский горец: в шапке с волчьим хвостом, обмотанный шкурами и подпоясанный ремнями с набором ножей. С нашей последней встречи Тать отпустил бороду, что скрыла его уродство, но добавила возраста — казалось, мой нынешний охранник постарел на добрый десяток лет.

Огромные руки на короткую секунду обхватили меня и сразу же отпустили — Нард Татовский шикнул на хихикающих молодых бойцов, и те в ответ охотно расступились.

— Наша Горст! — объявил Тать во всеуслышание. Видимо, на случай, если ещё не все догадались.

Я моментально вспомнила недавние наставления Демиурга — вытянула повыше шею, демонстрируя чёрного паука, и шагнула твёрдо, как подобает генералу или кому-то из высших чинов.

— Горст! — охотно поддержала толпа, нестройно аплодируя и присвистывая.

Так мы и двинулись: я во главе, Тать и Бешеный Крейг — по обе стороны, а вокруг — настоящая армия изгоев, бурлящая каким-то фанатичным восторгом и непонятной мне радостью.

При ближайшем рассмотрении лагерь оказался укреплённым — шатры разбили вокруг деревни всего на несколько домов. От бревенчатых ворот топорщились пиками частоколы, темнели подмёрзшие рвы и, как положено, стояли караульные. При виде меня они тоже поменялись в лице и приложили зажатый кулак к груди. Я одобрительно кивнула в ответ и даже пожелала лёгкой службы — уж не знаю, по какой такой внезапно возникшей покровительственности.

Чувствовать себя по-настоящему важной и ценной оказалось легко и даже приятно. В обстановке такой однозначной почти-тельности и бескрайней народной любви я без труда выполняла возложенную на меня роль: кивала, улыбалась и смотрела свысока. Ступала действительно твёрдо, насколько это было возможно на хрустящей гравием дороге.

Хоть местное укрепление едва насчитало бы несколько сотен бойцов, они были ближе всех к войне за свободу, за Квертинд и теперь наверняка — за Юну Горст. Я даже слегка загордилась, и пришлось приложить усилия, чтобы отогнать неуместную заносчивость.

Это была чужая, иная жизнь, будто, уехав из Кроуница, я попала в какой-то вымышленный далёкий мир, где меня почитают наравне с правителями и лидерами сопротивления. Или даже больше: Тать то и дело ревностно поглядывал в сторону командиров, безропотно кинувшихся мне навстречу. Они тоже поджидали у шатров, но никто из пятерых не был мне знаком.

Мелькнули тиали — зелёные, оранжевые, серые. Должно быть, магов в армии Ордена Крона, как и во всём Квертинде, ценили больше рядовых бойцов со сталью. Я пожалала всем руки, выслушав представления, и почти на ощупь двинулась за Татем — мы свернули с насыпной дороги прямо в притоптанный снег.

На Гриффорде туман сгущался, тёк по земле, как парное молоко, и солдаты вокруг военных палаток казались призраками. Проходя вдоль ряда шатров, я вертела головой направо и налево, осматривая самый настоящий военный лагерь. В щелях входов мелькали жаровни и удивлённые лица, тут же выглядывающие из своих холстинных домов.

— Горст! — слышалось сквозь треск поленьев и хлопанье полотна.

Горели костры — блёклые огоньки под чёрными от нагара котелками, в которых бурлила крупа с кусками солонины. Я слотнула слюну и вытянула шею так сильно, что в глазах забегали чёрные мушки. Даже не верилось, что Горст — это на самом деле я, а не придуманный герой из легенд.

Бешеный Крейг шёл впереди, расчищая дорогу и тоже вытягиваясь в струну — от важности своей охранной миссии. К нашему маленькому отряду то и дело пытались присоединиться, но Тать быстро отсылал желающих подальше. Сопровождающая толпа зевак тоже постепенно рассеялась — люди разошлись по своим делам, забились в палатки и редкие сколоченные домики.

— Общий барак, — указал Татовский на ветхое каменное строение с кособоким крыльцом и побитыми ступенями. — Для командиров и военачальников. Остальные — по-простому, в шатрах.

Он кивнул за спину, грозно зыркнул на подбежавшего мальчишку, и тот моментально ретировался.

— Сколько здесь человек? — Я оглянулась на низенькие шпильки палаток, торчащие из туманного моря.

Нам вслед смотрели мужчины в наскоро накинутых кафтанах и шинелях без опознавательных знаков, как в регулярной армии Квертинда. Даже перечёркнутой короны не было видно.

— Около четырёхсот, — охотно ответил Тать. — В основном солдаты, воины, но есть и простые мужики да их бабы. Мы здесь только обучаем бойцов, формируем в отряды и отправляем на полуостров Змеи, к месту битвы. Или куда скажут, — он почесал бороду. — Кому надо — деньжатами помогаем, чтобы могли семью прокормить, если осталась в Квертинде. Да и просто на расходы. У всех есть расходы, ясно?

— У всех, — подтвердила я и снова рассеянно огляделась.

Заметила стрельбище и одобрительно присвистнула: тренировочный полигон здесь был что надо. Добротные мишени, насыпи, крепкие брусья и глубокие рвы. Даже в академии такого не было — Джер и Фаренсис обычно гоняли боевых магов по лесному массиву, но студенты быстро нашли лазейки и лёгкие маршруты, так что особо не утруждались. Здесь же избежать нагрузки было невозможно — широкое поле просматривалось почти до самых откосов, и даже туман обходил это место стороной.

На утреннем поле сейчас были заметны только несколько ползающих по подмерзшей грязи солдат да нависший над ними командир, оружий не хуже олуши. Для тренировки людей было маловато, поэтому я решила, что бойцы чем-то провинились и теперь отрабатывают наказание.

Сзади заскрипели колёса, послышался гвалт. В ворота въехали две гружёные телеги, запряжённые сильными капранами и охраняемые теми парнями, которые встречали меня на берегу. Ни рыбаков, ни Демиурга среди них не было, и я быстро потеряла интерес к разгрузке.

— Иди проверь, — приказал Тать Крейгу, и тот нехотя, но всё же двинулся к тюкам и бочкам, споро сгружаемым прямо на снег.

Я же с любопытством откинула полог ближайшей ко мне телеги и присвистнула ещё раз: боевые луки, мечи, топоры, колчаны с новым и прекрасным оперением — здесь скрывалось целое состояние! Полный арсенал магазина «ОружейНОРМ» —

только ещё новее и лучше — лежал ровными рядами в открытых ящиках и охранялся одним-единственным караульным. На оружейной стали блестела мелкая изморозь.

— Юна Горст, — хлопнул красным носом довольный солдат, нагло рассматривая мой знак соединения. — Будь свободен!

— Устанавливай правила, — непроизвольно отозвалась я, увлекшись ящиками. И запрыгнула прямо на телегу, отчего та качнулась. Меня привлёк странного вида лук — короткий, с особым механизмом взведения и спуска тетивы. Я схватила один экземпляр из ящика и взвесила на руке. Тяжёлый.

— Так это... — растерялся охранник боевого богатства. — Без особого допущения, сами знаете... Нельзя вам здесь...

Он умоляюще посмотрел на Татя и вновь перевёл взгляд на меня, застывшую с чуждым оружием в руке.

— Это же Юна Горст, — возмущённо заметил Татовский. — Пусть осмотрится. Она за тем и приехала.

Парень вроде успокоился, но насупился. Спрятался за высоким воротом, наблюдая за моим изучением: не сопру ли чего у него из-под носа? А ему потом отвечать...

Воровать я, конечно, не собиралась. Хотя что-то мне подсказывало: надумай я выбрать себе оружие из этой тележки, никто против не будет. Может, даже обрадуются, что Юна Горст теперь ещё лучше вооружена.

Впрочем, сейчас моя персона мало интересовала местных — они окружили вторую повозку с продовольствием и закупоренными бочками. Судя по одобрительным возгласам, выпивка приезжала в лагерь нечасто. Я хмыкнула, схватила короткую и крепкую стрелу, попыталась вставить её в специальный паз. Покрутила так и этак, осваивая новый для себя вид оружия. «Я ревную», — сообщил Каас из-под накидки. Карнеум за спиной согласно промолчал.

— Арбалет, — вслух пояснил Татя, подперев спиной телегу. — Привезли из Тимберии. По точности превосходит даже Карнеум, но проигрывает в скорости. Зато обучение короткое:

солдаты быстро осваивают такую стрельбу, не то что из лука. — Он тоже схватил один образец, прицелился. — Мы заказали ещё увеличенные варианты для осадных машин и для метания снарядов по площади.

— Думаете, сражения будут масштабными? — Я всё-таки вернула арбалет на место и спрыгнула. Снежное облачко взметнулось и смешалось с туманом.

— А это не наше дело — думать, ясно? — оскалился Тать. — Наше дело понятное: бей врага, сражайся за свободу, умирай, если придётся. Думать до войны надо было. На полуострове Змеи сейчас так: коль приехал, будь любезен действовать, а не размышлять.

Я отряхнула ладони, поправила кожух с Каасом на бедре, чтобы не обижался, и снова взглянула на тренировочное поле, где крепкие мужские тела разгоняли туман.

— Ты поведёшь этих парней в Астраи? — я кивнула на бойцов, что взбирались по тросам на высокую стену. Парни пыхтели от натуги, но приободрились, заметив меня.

А я снова смутилась. Почему все так радуются моему появлению? Как я могу помочь этим людям? Что я могу им дать, кроме надежды? Живым, дышащим, с идеями и планами? Они горели свободой, светились изнутри в промозгом военном лагере. Лучшая жизнь была им как маяк, как путеводная звезда, а я казалась олицетворением этой жизни. Как будто один мой вид обещал спасение и победу.

Тать помолчал немного, словно думал о чём-то подобном. Достал свой портсигар с табачными пластинами. Закинул одну в рот, пожевал.

— Я из Кроуница не выезжаю, ясно? — сказал он строго, но с обидой. — Тут пока нужен, за парнями досматривать. Да и за улицами города — тоже. За всем догляд нужен. Один я знаю, кто как послужить Ордену может. Рано мне помирать пока.

«То есть вы их всех на смерть отсылаете?» — хотела спросить я, но за шатром послышался стук копыт, и мы развернулись.

— Юна Горст, — невысокий мужичок в тулупе и с торчащими красными ушами спрыгнул с капрана, резво схватил мою руку, затряс. — Приятно. Я Проней, смотритель местный.

Не успела я ответить, как он быстро увлёк меня за собой в сторону центра поселения. Тать недовольно напрягся, но зашагал следом без предупреждений и угроз.

Толпа вокруг выпивки ненадолго отвлеклась на нас, выкрикнула короткие приветствия, задержала на мне взгляды и вновь, с шумом и смехом, принялась разгружать хмельной подарок ко Дню Династии.

Мы прошли мимо булыжных заборов, над которыми возвышалась единственная здесь башенка. Низенькая, с одним окошком у самого потолка и зубчатым фронтоном. Святилище Крона, догадалась я. И сразу же нашла подтверждение, когда Проней коротко поклонился закрытому зданию и похрустел по снегу дальше — к погосту с рядом покосившихся виселиц. Знакомо пахнуло амброй.

— Это сейчас по-новому — Гриффорд, — рассказывал он на ходу, когда мы миновали башню. — А раньше знаешь, как остров звали? Вдовий плач. Ещё раньше тут висельня была. Смертников Квертинд не кормил в Зандагате, как теперь, а вешал прямо по приговору.

Верёвки полностью сгнили, лишь кое-где всё ещё заворачивались в смертельные петли. Я поёжилась — то ли от холода, то ли от жутковатого местечка. Поплотнее запахла полы накидки и накинула капюшон, решив, что достаточно покрасовалась в лучах славы.

— Тогда всего и делов было — могилки знай себе копай да висельников скидывай, — он остановился перевести дух у крепкого колодца. Хлебнул воды прямо из черпака, фыркнул. — А теперь овчарня здесь, склады, поставки муки и продовольствия, караульные — всё на мне. Командиры знаете как жрут? И спать на пуховых перинах любят — солома не по их спинам. Чтоб их кряхтом падучим скрючило! Пить хотите?

Я не отказалась. Колодезная вода оказалась сладкой и бодрящей. Желудок заурчал, напоминая о том, что завтрак случился давно, а время уже настало обеденное. Пока пила, успела оценить замысел Демиурга: спрятать армию на острове висельников, куда никто в здравом рассудке не сунется, было просто и гениально.

— Так я и говорю, — продолжил отчёт смотритель, принимая из моих рук черпак. — Мне бы в помощь кого пошмыслёнее, чтоб сподручнее было. Да хоть бы и Татя!

— Не заговаривайся, Проней, — огрызнулся Тать. — У меня дел в Кроунице — во! — он постучал краем ладони по горлу. — Некогда мне тут с вами хозяйство вести, ясно?

— Ясно, — вынужденно согласился Проней, тихонько взял меня за локоть, отвёл в сторону и зашептал: — Я человек занятой, по всему получается, не просто сторож, а кастелян крепости. А жалованье скудное, всего тысяча лирн за седмицу. Куда это годится?

— Тысяча лирн? — удивилась я огромной сумме.

И попыталась найти крепость среди низеньких домов под снежными шапками. Из строений тут был только тот самый общий барак для командиров, святилище да пара пыхающих дымоходом изб.

— Вот и я говорю — никуда не годится, — по-своему рассудил смотритель. — Вы уж там поговорите с господином, как вы это умеете, — он запнулся, воровато огляделся. — Как-нибудь убедительно, чтобы Пронеею жалованье вдвое увеличили, а я уж позабочусь тут, чтобы Юна Горст стала ещё популярнее.

— Куда уж популярнее, — сорвалось с языка, хотя ответ вышел неразумный.

Надо было ответить что-то про господина Демиурга, ведь речь шла именно о нём. Только вот насколько смотритель был с ним знаком? Знал ли о его существовании? Демиург лично ему платил, или Проней, как и все, просто верил в легенду о великом создателе Ордена Крона? Согласиться, отказаться или промолчать?

— Лапы-то убери, ловчила ты языкатый, — вовремя пришёл на помощь Тать. — Я с тебя глаз не спускаю, ясно? Ты кормить нас будешь или водичкой попоил — и хватит?

— А как же! — снова деловито зашаркал довольный собой Проней. Подошёл к новой избе, постучал валенками о порог. — Пожалуйте сюда, в тепло и гостеприютие Гриффорда!

Уговаривать меня не пришлось — я резво юркнула в открытую дверь, подальше от восторженно-любопытных взглядов. Всё-таки Демиург постарался на славу, и Юна Горст на Гриффорде оказалась чем-то вроде святилища Крона — того и гляди начнут кланяться и возносить молитвы.

В тепле и гостеприютии избы оказалось довольнолюдно. Настолько, что меня даже не сразу заметили, и я успела спокойно оглядеться. Обстановка была простой, но опрятной. Стены прикрыты узорчатыми одеялами, стылый пол устилали ковры, люстра и канделябры с десятком новых свечей прекрасно высвечивали собравшихся.

Грубый, но добротный стол стоял ровно посередине и вместо скатерти был накрыт картой, над которой склонились четверо — мы явно пришли в разгар собрания или военного совета.

В двоих я сразу признала тех самых командиров, встречавших меня у ворот. И устыдилась, поскольку имен в суматохе не запомнила, да и внешне мужчины были под стать друг другу — невысокие, коренастые, с лицами, лишёнными всякого выражения, привыкшими скрывать чувства. Даже сейчас на них застыли равнодушные мины, словно предстоящая война не волновала военачальников Ордена.

Третий походил на старика и юнца одновременно — мужчина как будто был без возраста, сутулый и остроносый. Он обгладывал утиное крыло и то и дело тыкал жирными пальцами в край карты, упрямо что-то доказывая.

Четвёртой была женщина. Крепко сложенная, статная, с нахмуренными бровями и выдающимся подбородком — она сразу же напомнила мне магистра Калькут в не самом благостном на-

строении, а тиаль Девейны на мощной груди окончательно убедил в сходстве. Женщина упёрлась мощными кулаками в столешницу и недовольно смотрела на соратников. Белый тиаль угрожающе покачивался над картой, как встревоженный маятник.

Остальные — солдаты, оруженосцы, прислужники — толпились вокруг, суетились над выстроенными вдоль стен тумбами, таскали из кухоньки исходящие паром блюда. Бряцало оружие, шептались повара, трещали свечи и шаркали сапоги.

В стороне, под запотевшим окошком, изумительно пахли запечённый с клюквой гусь, золотистые бараньи ножки, россыпь разносолов и сдобные пироги. Я слотнула слюну и шарахнулась в сторону от подошедшей девки с серебряным чайником. Она чуть не проткнула меня длинным почерневшим носиком.

— Умываться извольте, — поклонилась прислужница под моим недоверчивым взглядом.

Поклон вышел так себе, но я сама вряд ли исполнила бы его лучше, поэтому служанку простила. Нагнулась над тазом, подставила руки под струю тёплой воды, пока Тать по очереди здоровался со всеми присутствующими.

— Юна Горст, — гордо представил Татовский, подталкивая меня ближе к собранию, и почти рывком содрал тёплую накидку.

Я мгновенно почувствовала себя голой под внимательными взглядами, хотя жилет и сорочка всё ещё были на мне, да и брюки никуда не делись. Но десятки пар глаз будто разрывали меня на лоскуты, а внезапная тишина резанула уши похлеще звенящего визга. Захотелось сжаться в комок, опустить глаза и стать крохотной, незаметной, как недавно Демиург, но вместо этого я вытянулась в струнку, радушно улыбнулась и... всё-таки накрыла ладонью знак соединения, по своей любимой привычке. Рельеф паучьих лап, как всегда, успокоил и придал уверенности.

— Рады приветствовать вас в нашем скромном штабе, Юна Горст, — первым расплылся в улыбке мужичок без возраста, обтёр пальцы о кафтан и протянул мне руку: — Я Лонтерей Бродзен, генерал-фортификатор армии Ордена Крона.

Пальцы его оказались цепкими, а рукопожатие — уверенным и бодрым.

— Метрий Билик, — по-военному скупно выпалил один из командиров, потрясая в свою очередь мою ладонь. — Командующий третьего кроуницкого полка армии Ордена Крона. Мой помощник, — он по-свойски хлопнул по плечу соседа, — Керин Билик, кровный брат и заместитель.

— Добро пожаловать на Гриффорд, — слюбезничал Керин, обнажая ровный ряд зубов.

Младший Билик вряд ли был намного старше Лонима. Парень одёрнул синий щегольской кафтан, стукнул каблуками. Юркий, с ловкостью отличного лучника и открытой располагающей улыбкой, он был единственным, чья радость от встречи со мной казалась действительно искренней.

Его старший брат сдвинул брови и устало надул щёки. По мрачному виду командующего можно было догадаться, что Юна Горст стала ещё одной досадной проблемой в довесок к существующим.

— Мелира, — недовольно представилась женщина, уперев руки в бока. — Работник тыла.

В отличие от братьев Биликов она не только не явила радости или растерянной досады, а уставилась с откровенной злобой и возмущением — от такого приёма челюсти сжались сами собой и в животе противно заурчало.

— Мелира — как королева? — Я обхватила себя руками, пытаясь унять громкий рёв желудка. Тиаль с песком стыдливо сунула под жилет и отругала себя за неуместный вопрос. Наверняка эту фразу женщины с таким именем слышат в первую очередь при знакомстве в Квертинде.

— Не смейте меня сравнивать с лживой королевой, предавшей бога-создателя! — рывкнула Мелира и молитвенно сложила руки, будто удерживая саму себя от приступа гнева. Тяжёлый подбородок навис над ладонями, горящими белой магией. — Королевство обмана и лицемерия, — забубнила работник ты-

ла. — Извратили величайшую из магий, предали божественный дар. Не успели известить одних тиранов, как к власти уже рвётся самый жестокий приспешник Толмунда. Но Крон придёт спасти всех, кого проклял Иверийский Квертинд!

Фортификатор Лонтерей икнул, командир и заместитель отвели глаза, а остальные никак не отреагировали — просто продолжили заниматься своими делами. Видимо, такая эмоциональность Мелиры была в порядке вещей.

— У вас сестра в Кроуницкой академии есть? — снова не удержалась я от глупого вопроса.

В ответ получила ещё один гневный взгляд и прикусила язык. Опустила глаза на карту Квертинда, придавленную стаканами с выпивкой.

— Мне ещё родственных связей среди врагов не хватало! — заворчала женщина. — Достаточно того, что приходится развлекать заезжих разгильдяек в последние дни перед отправкой армии.

— Мелира, — мягко тронул её за руку Лонтерей. — Юна Горст нужна Ордену.

Мелира явно хотела снова возмутиться, но закрыла рот и отвернулась. Зашептала молитвы — то ли Девейне, то ли Крону. А я воспользовалась паузой, чтобы тщательно обдумать ответ.

Завоевать реальное уважение армии изгоев оказалось сложнее, чем своей банды или даже академии. Если судить по первому визиту в Приют, знакомство с руководством Ордена Крона у меня как-то не ладилось. Теперь я тоже была частью организации, причём, если судить по отношению солдат и наёмников, немаловажной. Но те, кто стоял во главе, относились к символу сопротивления в моём лице с недоверием.

— Не хотелось бы вам мешать, — попыталась оправдаться я, всё ещё разглядывая карту. Яркие фигурки окружали полуостров Змеи, как игрушки для мальчишек. — Но у меня есть своя задача: вникнуть в план боевых действий и разделить борьбу за Свободный Квертинд со всеми, кто предан Ордену Крона и создателю.

Командующий Билик прочистил горло, Мелира фыркнула, а Лонтерей наградил меня долгим и непонятым взглядом. Один Керин хохотнул, будто обрадовался моей маленькой победе.

Опирается на связь с Демиургом было слишком нагло, но они не оставили мне выбора. К тому же под создателем вполне мог подразумеваться и сам Крон. Двусмысленность вышла довольно однозначной, хоть и нахальной, и я осталась собой довольно. Демиург бы одобрил.

Рядом запыхтел Тать, вручая мне вишнёвый бренди. Очень кстати, потому что от духоты и неловкости во рту пересохло. Моя сегодняшняя нянька в виде обезображенного охранника явила трогательную заботу: Татовский раздобыл кусок пирога с капустой и варёными яйцами, истекающее жиром рёбрышко, увесистый ломоть сыра и россыпь мелких помидоров. Всё это богатство кучкой громоздилось на глиняной тарелке, бесцеремонно поставленной прямо поверх географических рельефов Иверийского престольного округа — ровно по центру карты.

— Что? — скорчил грозную рожу Нард Татовский в ответ на возмущённое цоканье. — В Свободном Квертинде никого не морят голодом.

Военный совет замешкался и притих. Потянуло холодом — в избу заглянула деловитая морда Проня, окинула всех придирчивым взглядом и удовлетворённо скрылась.

— Во имя Свободного Квертинда! — прервал затянувшуюся неловкость Керин Билик и поднял один из стаканов, призывая собравшихся сделать то же самое. — Во имя Ордена Крона!

— Во имя Свободного Квертинда! — охотно поддержал его брат.

— За свободных квертиндцев! — выпалила я и сделала крохотный глоток.

В избе зашумели, заорали лозунги. Тать гаркнул в такт, выпил. Мелира промолчала, но к восславлению присоединилась — тоже подняла стакан и осушила его одним махом.

От крепкого напитка во рту остался горько-ягодный привкус, а желудок свело судорогой.

Да к Толмунду этот этикет! Я закашлялась и сразу же принялась уплетать еду, пододвинув тарелку ближе к восточной границе. Западная была сплошь заставлена солдатами, укреплениями, осадными башнями и требушетами.

— Верес, — прохрипел Керин, жмурясь от крепости напитка. — Вот здесь, — парень ткнул пальцем в левую часть карты. — крупный промысловый город на полуострове Змеи.

Я подалась ближе, раскусывая мелкий помидор. Мне понравилось, что младший Билик сразу перешёл к делу, а не стал, как остальные, и дальше выказывать сомнения в уместности моего присутствия. Я буквально вцепилась взглядом в Верес, демонстрируя свою заинтересованность. Жирная точка города ютилась между низеньких гор полуострова, чуть западнее Астрайта, ближе к бескрайнему Данужскому лесу — границе с Таххарией-хан.

— Там добывают руду. — Я выгудила из памяти что-то с занятий Гремора Айро. Как назло, больше половины лекций в прошлом году я проспала, поэтому о Вересе помнила немного. Но вместо самоукора отгрызла кусок сыра и с аппетитом зажевала.

— Город плавки металла и кузниц, — вроде бы подтвердил мои слова Керин, потрянув длинной чёлкой. — Богат залежами руды. Снабжает армию Квертинда вооружением, отправляет заготовки для строительства фрегатов и занимается разработкой новых видов оружия.

— Это будет наше первое масштабное сражение, — пояснил командир Метрий Билик. Он снова наполнил стакан и выпил уже без церемоний. — Верес охраняется регулярной армией в составе тысячи человек, из которых не меньше двух сотен — боевые маги.

— Четыре сотни против тысячи? — быстро прикинула я и даже жевать перестала, но от комментариев о безрассудстве воздержалась.

— Наша основная армия стоит здесь, — включился в беседу Лонтерей, обозначая место стоянки пустым стаканом. — Третий кроуницкий полк станет последним пополнением перед битвой.

Мы собираемся покинуть Кроуниц через четыре дня. Общий сбор начнётся в третий день от праздника Династии, чтобы народ успел отгулять и получить должный настрой. К сто пятнадцатому дню загрузимся в бриги — фрегаты будут слишком заметны с пристани, а внимание привлекать ни к чему.

— Хотите перевезти людей под видом торгового каравана, — одобряюще кивнула я.

Нард Татовский проскрипел стулом по полу, устраиваясь поудобнее. Щелкнул крышкой портсигара и довольно зажмурился, как сытый кот. Керин Билик потянулся было к нему с просьбой, но под взглядом старшего брата стушевался.

— С армией соединимся в Вересовом конце, вот здесь, — командующий сдвинул фигурку вдоль реки. — Встанем лагерем и к утру уже возьмём Верес — тихо, быстро и без суеты. В отсутствие Кирмоса лин де Блайта разведка на полуострове Змеи работает из рук вон плохо, оттого мы сумели собрать трёхтысячное войско в разливе реки Татания. Квертинд и генерал лин де Голли не успеют перекинуть людей для защиты за такой короткий срок. Верес слишком далеко от Астрайта, а местность на полуострове болотистая, трудная. Когда основные силы с боевыми магами подтянутся к Вересу, от города останутся только горы пепла.

— Неудобное положение для форсирования высоты, — заспорил Лонтерей. — Если из консульства появятся стяжатели, хотя бы пара десятков, бой будет жестоким, а победа — не такой однозначной.

— Эффект неожиданности! — ослотивший Метрий Билик стукнул кулаком по столу, отчего фигурки подпрыгнули. — Мы потратили столько времени, чтобы добиться этого преимущества, и не можем и дальше копить силы. Когда вернётся Чёрный Консул, он первым делом проверит свою территорию, и уже тогда бой придётся принимать нам. Всего полгода, Лонтерей! — Командующий почесал покрасневший глаз. — Осталось полгода до его коронации. К этому времени нужно лишить Квертинд хотя бы Вереса! Сейчас идеальный момент для нападения.

— Зачем вам сжигать Верес? — просто спросила я.

Без знания военного дела и стратегии мне было трудно поддерживать беседу, но я не стала стесняться глупых вопросов. Если уж мне суждено играть роль любовницы Демиурга, то надо хотя бы пользоваться положением. Ведь единственный способ стать настоящей частью Ордена — разобраться в его планах.

— Неужели не проще его захватить? — продолжила я свою мысль. — Если он так ценен для вооружения, то нам оно тоже пригодится.

Пауза была предсказуемой, но я выдержала её стойко — оглядела всех по очереди, ожидая если не отчёта, то хотя бы пояснения.

— Так поехали с нами в Астрайт, — насмешливо предложил Мелира. — Ты же ценный для Ордена символ, вот и поможешь удержать Верес! Или ты только умные советы даёшь?

— Я пока нужна в Кроунице, — я покосилась на Татя, но он в беседу не вступал — решил, что в обеспечение безопасности не входит защита Юны Горст от нападок вздорной бабы.

— Чем ты лучше Иверийских прихвостней? — засопела женщина. — Отсиживаешься за спинами солдат! Ты хоть раз видела настоящий бой, когда все вокруг превращаются в мясников? Закрывала глаза умирающему от ран? Что ты сама сделала для Ордена? Кроме того, что... — она отвела взгляд. Налила себе выпить, утёрла нос рукавом и что-то сердито пробормотала.

«Кроме того, что согрела постель Демиургу», — продолжил за неё Каас, возжелавший испробовать крови Мелиры. Само собой, ему в этом желании было отказано.

— Обещаю, что присоединюсь к битве, — ровно проговорила я, стараясь не выдавать эмоций. — Как боевой маг и как воин. Поведу войска Ордена Крона в бой, если мне не удастся убить Чёрного Консула до его коронации. Но пока я нужна живой.

— Мы бы не посмели просить тебя сопровождать полк на полуостров Змеи, — строго сказал Метрий Билик больше для Мелиры, чем для меня. — Эту задачу поручили нам, и мы с ней справимся.

— Я хочу отправиться с вами, — уверенно заявила я. Хмель немного разгорячил кровь и развязал язык. — Биться плечом к плечу с бойцами и теми, кого, как и меня, проклял Иверийский Квертинд. Во имя Крона и свободы. Во имя моей матери, чьё имя опорочили, — я сделала ещё один обжигающий глоток. — Но принесу больше пользы, если останусь в Кроунице. Вместо одного бойца вы получите сотни!

Речь вышла убедительной и горячей. Я решительно нахмурила брови, но, по правде говоря, сама себе не верила. Какой пример Юна Горст подавала бойцам Ордена, избегая битв? Я должна была идти впереди армии со знаменем перечёркнутой короны, а не развлекать избалованную знать на маскараде. Моё место — среди солдат, в пекле сражения. Всё, от самого точного лука до четвёртого порядка боевой магии, говорило о том, что я окажусь ценной единицей на поле боя.

— Так почему бы не взять Верес для нужд Ордена? — повторила я свой вопрос для притихшего совета. — Вместо того чтобы выпрашивать оружие у богатеев, мы можем завоевать его силой!

Я опрокинула стакан в горло и по очереди оглядела каждого, практически требуя ответа. Так-то! Юна Горст больше не наивная овечка. Те, кто пытается её запугать и поставить на место, получают жесткий ответ. И плевать на звания, авторитеты и регалии!

— Потому что мы — мятежники, — мягко напомнил Лонтерей, чуть ли не по слогам выговаривая каждое слово. — Пятнадцать лет назад Орден Крона уже воевал с Квертиндом. Это была кровопролитная гражданская война, в которой мы проиграли. Тогда королевство было ослаблено и ошарашено смертью правителей, поэтому восстание могло закончиться удачей. Армия была дезориентирована, а стяжатели оплакивали Мирасполя, без которого в ложе не принималось ни одно решение. С гибелью главнокомандующего весь боевой состав Квертинда превратился в стадо баранов. Мы дошли почти до самого Лангсorda и взяли бы его.

— Если бы не военный гений Кирмоса лин де Блайта, провалиться ему в пекло! — зло хмыкнул командующий Билик. — Подонок шёл за нами по пятам и отгрызал по куску от Ордена. Лично истязал пленных кровавой магией и сдирал кожу с ещё живых братьев на площадях отвоёванных городов. Он оставлял людей умирать на глазах у всех. В назидание.

Мелира возмущённо запыхтела и с явным превосходством глянула на Татя. Недовольная женщина нашла себе новую цель — хотела обвинить Татовского в том, что глупая девчонка заставляет совет озвучивать очевидные вещи. Или в том, что Чёрный Консул всё ещё жив. Или во всех грехах человечества сразу.

Тать оскалился и едва слышно рыкнул в ответ. Клацнул челюстями, закидывая новую порцию табака. Мне бы не помешало его нахальство, потому что моё собственное вмиг улетучилось вместе с ясностью мысли.

— Чёрный Консул — посланник самого Толмунда, — задумчиво вставил Керин, но сразу же подобрался и вскинул подбородок: — Так говорили солдаты на привалах, я сам слышал! Хоть брат и гонял меня подальше от лагерных сборищ.

— Из наших дезертиров можно было бы сложить плот через всё Мариисское море! — разошёлся Метрий Билик. Цветом он напоминал помидор, оставшийся на моей тарелке. — Трусливые псы! Дрожащие твари!

Мужчина сжал мясистые кулаки, схватил пустой кувшин и рывкнул на прислужников от досады. Юркий мальчонка мигом поднёс новую выпивку, но всё равно получил тычок от командира. Я потёрла лоб, будто и мне достался унижительный щелчок.

— Мы не удержим Верес, — резюмировал Лонтерей, дождавшись, когда командующий займётся очередным стаканом. — У нас не хватит людей, оружия и опыта, чтобы противостоять объединённой армии Квертинда, когда она явится на место мятежа. Нападение на город — только попытка ослабить военную мощь королевства и заявление о том, что мы не сдаёмся.

Весьма очевидная вещь. Можно было бы понять это до того, как предлагать совету откровенные глупости. Рановато я возомнила себя руководителем.

От стыда кончики ушей покраснели, а сорочка прилипла к спине. Духота моментально показалась невыносимой: моя недавняя горячность буквально стусилась вокруг, и дышать стало тяжелее. Захотелось последовать примеру командира — опрокинуть ещё стаканчик, но мне предстоял путь домой, так что от соблазнительной идеи я отказалась.

— А если вы не возьмёте Верес? — уже тихо спросила я, боясь поднять глаза на командующего.

Почему-то город кузниц представился маленьким Кроуницем — серым, каменным, хмурым. При мысли о том, что там живут люди — простые квартинцы — меня передёрнуло. От самой себя. Ещё пару минут назад нападение представлялось мне игрой в стратегию, в деревянные фигурки на карте. Орден Крона против Квертинда и наследия Иверийской династии. Даже её я проиграла, но на деле всё было куда страшнее: эта война переломит чьи-то жизни, лишит людей крова и работы, разрушит семьи и судьбы.

Я почти увидела свет, что льётся сквозь две ладони — мою и Джера. Свет от далёких праздничных огней Кроуница, свет мирной жизни и благополучия, на который я покушалась прямо сейчас.

— Победа у меня — вот здесь, — показал кулак опьяневший Метрий Билик, и я мгновенно вернулась в реальность. — Мы установим свои правила и освободим Квертинд от гнёта! Именем Ордена Крона!

Он икнул, и брат осторожно придержал его за локоть.

— Не смей ляпнуть такое при солдатах! — прошипела Мелира.

— После битвы армия отойдёт в Данужский лес, — дал самый внятный ответ фортификатор Лонтерей, скорее по привычке передвигая фигурки на карте. — Независимо от исхода. Это нейтральная территория и граница с Таххарией-хан, армия Квер-

тинда не посмеет сунуться туда без дипломатической договорённости. Так что преследование маловероятно.

«Там поместится целая армия?» — хотела спросить я, но спину лизнул ледяной сквозняк, и на пороге снова возник Проней.

— Приехал, — важно сообщил смотритель.

— Ну наконец-то! — впервые за всю встречу обрадовалась Мелира, поднимаясь.

— Будь свободен! — разошёлся Метрий Билик. — Устанавливай правила!

Он пошатнулся и едва не упал при попытке передвижения. Благо Керин подхватил брата и помог поймать равновесие.

Люди вокруг забегали, засуетились, принялись накидывать тулупы и телогрейки, разбирать валенки. Суматошный шум, словно по щелчку, прервал собрание и выгнал народ на улицу.

Генерал Лонтерей потерял всякий интерес к карте и сунул руки в шинель, поданную ему мальчишкой-прислужником.

— Кто приехал? — схватила я за рукав Татя, который тоже двинулся к выходу.

— Стязатель. — Лицо бойца перекосило ещё сильнее, будто он съел кислятину. — Шор Лормонт. Привёз новости из ложки.

Теперь и я поморщилась. Стязателя из Ордена Крона мне доводилось знать лишь одного, и воспоминание о нём больно царашнуло изнутри. Каас... Мой родной, доверчивый и мёртвый Каас.

Изда стремительно пустела, но, вместо того чтобы ринуться за толпой, я отступила вглубь. Достала кинжал, поймала своё отражение, провела пальцем по гравировке.

Вдруг этот Шор Лормонт близко знал Кааса? Или был его другом? А что, если он знает, что это я выпустила стрелу в висок под рыжей шевелюрой?

Нет, быть того не может. Я зажмурилась и глотнула посвежевшего воздуха. Во рту стоял сладковатый вишнёвый привкус, и горло драло так, будто в него сыпанули песка. От бренди кружилась голова, а в ней — бредовые мысли.

Конечно, Шор Лормонт не представляет угрозы. Вряд ли он будет страшнее Мелиры-Калькут, с её брезгливой нетерпимостью, а к подобному я давно привыкла.

Но в любом случае знакомиться со стяжателем не было никакого желания. От этих ребят за версту разило властью и неприятностями. Предатель ложки был на стороне Ордена Крона, а значит — на моей, но от одной мысли о бордовых перчатках с блестящими коронами закрадывалась идея о незаметном побеге. Наверное, я боялась напоминания о Каасе. Или просто ревновала орденцев.

Я схватила очередное рёбрышко с тарелки и впиалась зубами в сочное мясо. Присела на освободившийся стул.

Отличное решение — восстановить силы. Бессонная ночь и выпивка не лучшим образом сказывались на сообразительности.

Тать вышел, и в избе осталась только пара служек, косо поглядывающих в мою сторону. Из открытой двери веяло сыростью и туманом, в ярком свете канделябров казавшимся голубоватым маревом. На улице гудели, славили Свободный Квертинд и Орден Крона — должно быть, праздничная радость создавала особый, лихой настрой, когда ждёшь перемен к лучшему и чувствуешь единение с толпой.

Я тяжело вздохнула, схватила накидку и всё-таки вышла — не столько встречать стяжателя, сколько сообщить Татю, что готова отбыть в Кроуниц. Повторять свой неудавшийся подвиг на военном совете я не собиралась, как и вмешиваться в дальнейшую подготовку армии. От еды и духоты меня разморило. Глаза просто слипались, а мозг и вовсе застыл густым студнем, требуя отдыха и покоя.

Сумерки на улице только-только подёрнули синевой туманную серость, и это означало, что в академию я вернусь к ночи, — как раз чтобы выспаться перед завтрашним праздником. От осознания того, сколько проблем на меня свалилось из-за подготовки к торжеству, я едва не откусила кусок уже почти голой косточки. Зашипела, ощутив чудом уцелевший зуб, и решила

перенести решение завтрашних проблем на завтра, а прямо сейчас всё-таки оценить нового гостя Гриффорда.

Издаലെка Шор Лормонт выглядел рослым, крепким парнем — раза в полтора больше Кааса. Стязатель даже не потрудился переодеться или прикинуться кем-то другим — так и приехал в форме карающего служителя Квертинда. Он не улыбался и не любезничал — раздавал короткие, злые указания, на обращения реагировал редко и с раздражением. Но Татю пожал руку, сверкнув неизменной перчаткой, и даже вроде бы уважительно кивнул. Как и Лонтерею, кинувшемуся с расспросами, едва Лормонт спрыгнул с капрана.

Следовало представиться, выдержать наверняка холодное пренебрежение стязателя и сразу же вежливо попрощаться: свою роль ходячего знамени на Гриффорде я отыграла — местами даже переусердствовала — и теперь больше всего хотела оказаться подальше от места своего триумфа и позора одновременно.

Я похлопала по карманам накидки, по привычке проверяя, не умыкнули ли моё скромное богатство в избе, устало надула щёки и хотела было выкинуть косточку, которая едва не стоила мне зуба, но заметила юркого щенка возле кладки дров. Крохотный, с мелким хвостиком-крючком, то и дело дёргающимся от нетерпения, он был типичным местным представителем — так же доверчиво и влюблённо смотрел на знаменитую Юну Горст.

— Ну ладно, — сдалась я щенячьему напору и двинулась в его сторону, отчего тот закружился в радостном вихре. — Держи, приятель.

Я сунула ему под нос остатки своего позднего обеда, и благодарный собачонок захрустел косточкой. От восторга он даже запрыгал на задних лапах, а я с удовольствием потрепала его за ухо — холодные пальцы согрелись от живого тепла. Шёрстка щенка оказалась гладкой и ласковой, а любопытный нос то и дело тыкался мне в ладонь, отчего я рассмеялась. Эта компания была лучше общества стязателя и грубой Мелиры, что хотела

сожрать меня так же, как мы с пёсиком эту несчастную кость — не оставив даже кусочка.

Отчего-то вспомнился арахнокот, и улыбка немного померкла. К тому же я представила себя со стороны — девчонка, играющая со щенком, совсем как ребёнок. Такая не годится в качестве примера яростного борца с судьбой и принуждениями. Такую война переломит в первой же битве.

Здесь, между двух заснеженных изб, вдали от внимательной толпы, я на секунду пожалела себя. В моём мире всё было окутано лишениями и борьбой. Время шло, а жизнь становилась злее, требовательнее и хуже. Ничего и никогда не доставалось мне просто так — без условий и сражений. Каждую кроху счастья приходилось выгрызать, вырывать у лап яростной судьбы. Одолело такое чувство, будто я во всём мире лишняя, что мне нет места ни в Ордене Крона, ни в академии, ни даже рядом со своим ментором.

Я решительно поднялась. Морозный воздух охлаждал разгоряченную кожу, вишневый привкус так и висел на языке, вдобавок сумерки почти лишили зрения, и без того размытого хмелем.

За поворотом у входа в избу застучали сапоги, загалдели — видимо, стяжателя Шора Лормонта тоже привели в гостеприютие Гриффорда. Я выглянула из-за высокой кладки дров и нашла глазами Татя. Он озадаченно озирался в поисках меня. Это было кстати: пора выбираться с этого острова. Но мне оставалось пережить ещё одно глупое представление.

— Береги себя, ладно? — снова развернулась я к щенку и погладила его на прощание. А потом направилась к толпе, и в этот момент взгляд сам собой зацепился за солдата в дальнем конце Гриффорда.

У самого лагеря между двух палаток стоял человек — один из туманных призраков. Зловещий образ темнел в клубах белёсого марева, словно был выткан из тени. Человек-тень не шёл навстречу, не выкрикивал «Горст», не махал рукой и вообще не делал попыток как-то со мной пообщаться. Мимо него мелька-

ли люди — такие же неясные образы, выплывающие из кроуницкого тумана и растворяющиеся бесследно, — но призрак стоял неподвижно. Под глухим капюшоном не было заметно лица, но я могла поручиться, что он смотрит прямо на меня, — по затылку побежали мурашки.

Я вдруг поняла, что жутко замёрзла, и обхватила себя руками. Что за театральная таинственность? Может, господин Демиург решил самолично проверить, не растерзали ли почитатели Юну Горст во славу Свободного Квертинда? Или всё-таки... этот призрак — Чёрный Консул?

На этот раз меня не захлестнули ни страх, ни азарт, ни ярость. Только какая-то обреченная усталость. Не сводя взгляда с силуэта, чтобы не потерять его из виду, я двинулась прямо на него. Кирмос лин де Блайт? Наплевать. На этот раз Джера рядом не было, а бесконечные загадки уже сидели в печёнках. Хочешь убить меня — так убей, только прекрати запугивать! Это больше не сработает.

Человек двинулся прочь, но медленно, словно хотел, чтобы я видела его. Заманивал? Может быть.

Я ускорила шаг, почти побежала, когда призрак свернул за одну из дальних палаток. Особо не рассчитывала на благополучный исход погони: с каждым шагом крепла уверенность в том, что за серым шатром я не обнаружу никого, что наваждение растворится в тумане или тени, как делало много раз до этого, а мне останутся только задумчивость и сомнения в собственном благоразумии.

И сдавленно вскрикнула, когда с разбегу наткнулась на вполне живой и твёрдый силуэт реального человека. Он мягко удержал меня от падения и отошёл ещё дальше — к заснеженному подножию. Здесь лагерь заканчивался, и сосны угрожающе нависали с высоты скального откоса.

— Ты! — Я вытащила Кааса, мгновенно приладив его на ладони для броска. — Оживший кошмар из моих снов!

От эмоций правда вырвалась сама собой — я просто озвучила то, что уже давно было у меня на уме. Захотелось немедленно

метнуть кинжал, но любопытство всё же пересилило, и я по-медлила, позволяя врагу сориентироваться.

— Тише, Юна, тише, — шикнул на меня человек, скидывая капюшон.

Я ожидала увидеть кого угодно, но захлебнулась словами и оскорблениями. Глотнула воздуха, отшатнулась, попятилась — и почти упёрлась спиной в брезентовый полог.

— Шенгу лин де Сторн?! — Я неверяще уставилась на генерала, который когда-то пытался подставить Джера. — Вы же... сбежали из Ордена! И от Квертинда! Вы теперь изгой для всех!

Каждая мышца горела от напряжения, но я не собиралась расслабляться. Неизвестно, кем теперь этот человек был для меня — другом или врагом. Я покрепче перехватила бордовую рукоять и оценила расстояние для броска.

— Юна! — слышался рёв Татя где-то вдали.

Между палаток снова промелькнули спешащие по своим делам бойцы, но нас они не заметили. Или просто не обратили внимания. Я могла бы отозваться прямо сейчас, позвать на помощь — и уже через две секунды рядом оказался бы целый отряд. Но, пока этого не произошло, у меня был шанс отомстить Шенгу лин де Сторну за свои лишения. Прикончить его без разбирательства и суда.

— Из-за вас я чуть не убила Джера! — злобно выплюнула я обвинения и уже почти метнула клинок в лживого генерала, но тот выставил перед собой ладони в знак признания моей силы.

— У нас мало времени, — скороговоркой предупредил он, кинув взгляд в сторону мелькающих факелов. — Юна, ты должна меня выслушать.

— Не подходите! — крикнула я, отскакивая.

— Хорошо, — быстро согласился Шенгу. Полог захлопал, и по стенам шатров забегали тени, где-то громко засмеялся раскатистый мужской голос. — Мне хватит и одной минуты, — торопливо продолжил генерал. — Ты должна знать: всё, что я говорю о твоём менторе...

Он осёкся, словно потерял дар речи. Открыл и закрыл рот, пробуя на вкус то, что собирался сказать.

— Да? — подалась я вперёд, но мужчина странно дёрнулся и посмотрел мне за спину рассеянным взглядом.

— Генерал! — злобно поторопила я. — Вы сами сказали, что мало времени, так не тяните!

В ответ Шенгу лин де Сторн пошатнулся и начал оседать. Из его глаз брызнули кровавые слёзы, быстро заполняя глазницу. В шоке я рванула к нему, поймала за руки, попыталась удержать.

Алая жидкость бурлила и пенилась, стекала на руки, пачкала мою и его одежду. Из пустых уже глазниц, изо рта и носа хлынули водопады крови, полились на мою накидку, на снег, забрызгивая всё вокруг. Целое озеро или даже море крови, в которое я плюхнулась вместе со своей потяжелевшей ношей.

— Зачем вы соврали про Джера? — Я с силой сжала голову генерала, пытаюсь добиться ответа. Развернула к себе кошмарное лицо — точнее, то, что от него осталось. Мне необходим был ответ, и только это сейчас имело значение. Только это, и ничего больше — ни жизнь, ни война, ни будущее, ни я сама. В сознании маяком горел один-единственный вопрос, который казался правильным и по-настоящему важным.

Я подняла дрожащие ладони, скользкие и липкие, и сразу же отползла задом, замотала головой. Огни, тени, покачивающиеся сосны, бесконечные палатки, солдаты в тулупах, рваные клочья тумана — всё слилось в единый шум. Кинжал Каас, чистый и блестящий, лежал в трех шагах — я даже не заметила, как выпронила его. Подползла к оружию на четвереньках, скрюченными от холода пальцами схватила бордовую рукоять, крепко сжала. Сталь в руке мгновенно вернула меня в реальность.

— Зачем вы соврали про Джера? — спросила я уже у трупа, под которым стремительно растекалась кровавая лужа. Белоснежный покров напивался алым и превращался в Иверийский стяг под некогда верным Квертинду генералом.

Я посчитала вдохи, чтобы успокоиться. Закралось дурацкое ощущение, что Шенгу лин де Сторн умер от моего прикосновения, но это, конечно же, было не так.

Глаза заслезались от окружающих огней — они брали меня в кольцо, как загнанного зверя, приближались и тащили за собой людей — ко мне бежали со всех сторон, судя по звуку многочисленных шагов.

Огромная фигура возникла словно из ниоткуда, и я кинулась на грудь ошалевшему Татю, вцепилась в толстый ворот ватника окровавленными пальцами.

Сзади, как назло, подоспели ещё бойцы с факелами — все как один открывали рты в удивлении, некоторые даже отворачивались.

— Я не убивала его, — встряхнула я Татя и повторила громче для всех: — Это не я.

Легко представить, как всё произошедшее выглядело со стороны. Трудно доказать свою невиновность, но всё же я потрясла перед носом Татовского чистым кинжалом, пытаясь убедить в своей непричастности. Весьма слабый аргумент, но других на ум не приходило.

— Крейг, веди парней к центральным воротам, — неожиданно скомандовал Тать. — Лормун, собирай пятёрку — общите остров.

Мужчины стояли, не смея пошевелиться. А до меня начало медленно доходить, отчего никто даже не пытается обвинить меня в убийстве.

— Быстро! — рявкнул Тать, и солдаты немедленно сорвались с места.

— Милость Толмунда, — наконец сообразила я, разжимая пальцы.

Обернулась на Шенгу лин де Сторна. Труп генерала был в точности похож на те, что я видела в Кедровках. Моментальная смерть мозга, вызванная кровавой магией очень высокого порядка. «Чёрный Консул смеялся над твоей медлительной тупостью», — хмыкнул Каас, и я быстро сунула его в кожух. Запоздало завертелась по сторонам в поисках красного тумана.

Алые ленты нельзя было не заметить среди белого марева, но я додумалась до этого слишком поздно.

Безумно и глупо хохотнула. Чёрный Консул больше не скрывался. Он действительно насмеялся над Юной Горст, все ближе и ближе подбираясь к своей запуганной жертве. А я, вместо того чтобы кинуться ему вдогонку, ползала по снегу, как таракан, и пыталась поговорить с трупом.

Подоспевшая Мелира с ужасом уставилась не на мёртвого генерала, а на меня, улыбающуюся своей догадке. Мимо прошагал стязатель. Присел над телом, тщательно его осмотрел и озвучил то, что и так было очевидно:

— Здесь поработал кровавый маг пятого порядка, — назидательно, будто мы были его учениками, проговорил Шор Лормонт. — Такие есть среди людей Ордена?

— Нет, — перебила я открывшего было рот Татя. — Тот, кто убил Шенгу лин де Сторна, пришёл за мной.

Юна Горст снова оказалась в центре внимания. Только теперь я была той, кто лучше всех мог оценить ситуацию. Увы, весьма и весьма безрадостную. Сомнений в том, что за мной по пятам ходит Иверийский Квертинда в лице могущественного кровавого мага, не оставалось. А значит, третьему кроуницкому полку не дадут доехать до Астраида — ни на бригах, ни на фрегатах.

Я обошла по кругу притихших мужчин, остановилась возле Мелиры и, убедившись, что всё ещё владею общим вниманием, заявила:

— Праздника не будет.

Постаралась придать голосу твёрдости. Наклонилась, нагребла побольше чистого снега и вытерла руки — между пальцами побежали кровавые ручейки. Никто не посмел мне возразить, и я продолжила:

— Немедленно увозите отсюда армию и всё, что сможете увезти. В кратчайшие сроки. Вероятно, скоро на остров явится армия Квертинда во главе со стязателями, — я мазнула взглядом

по Шору Лормонту. — Настоящими стяжателями, которые зачищают здесь всё и убьют всех.

На удивление, Мелира кивнула первой. Целительница обошла меня, присела над трупом. Отдала короткие указания подошедшим людям, и те накрыли тело покрывалом.

Стяжатель Шор Лормонт откровенно запаниковал и проверил карманы плаща. Мне даже стало жаль его: если ложка узнает о предательстве, парня ждёт незавидная участь. Гораздо более незавидная, чем участь Кааса или даже Шенгу лин де Сторна.

— По чьему приказу? — дал о себе знать Метрий Билик.

Командующий третьим кроуницким полком стоял в окружении пары десятков человек и выглядел совершенно трезвым. Количество выпитого бренди выдавала только испарина на крепком лбу и терпкий алкогольный дух. Запах мгновенно напомнил мне господина Демидурга, и я даже на краткий миг понадеялась, что это именно он убил Шенгу лин де Сторна. Но выяснить это прямо сейчас не было возможности, а промедление грозило лагерю разоблачением и в лучшем случае арестами, а в худшем — Вдовий плач мог снова оправдать своё название и жуткую погибельную славу места казни.

— Под мою ответственность, — смело выдала я. — Именем создателя Ордена Крона! Надеюсь, у вас нет возражений?

Метрий Билик нахмурился, но возражений не имел. Тать похлопал меня по плечу, а Мелира заботливо, даже по-матерински накинута на мои плечи тулуп, укутала, как младенца. Потяжелевшая накидка неприятно загрубела и прилипла к коже. Кровь пропитала почти всю одежду и волосы, и они превратились в липкие сосульки.

— Можешь остаться сегодня у нас, — пролепетала подобревшая женщина. — В моей избе тепло и хватит места.

— Благодарю, — коротко ответила я. — Но к рассвету мне нужно быть в Кроунице.

— Корабль уже ждёт, — сообщил Тать и с готовностью шагнул ближе.

От усталости и тяжести хотелось рухнуть прямо в снег и уснуть, накрывшись толстым тулупом, или принять предложение Мелиры, но мне и правда необходимо было вернуться. Поэтому единственное, о чём я попросила перед отъездом, это чистая одежда и несколько вёдер подогретой воды.

Когда знакомый баркас отчалил от каменистого берега, мне всё же хватило сил обследовать палубу в поисках нужного мне рыбака. К сожалению, Демиурга здесь больше не было. Зато в обратный путь со мной отправился Тать, и я почти силой затащила его в трюм, где наказала немедленно отправиться в Приют с новостями.

— Сам знаю, — обиделся Татовский, устраиваясь рядом прямо на влажных досках опустевшей каюты.

Трюмное нутро показалось даже просторным по сравнению с моим утренним впечатлением и каким-то уютным, почти родным. Я прижалась к тёплому боку Татя и почти провалилась в сон, когда вдруг на ум пришло совершенно бестолковое воспоминание из далёкого прошлого.

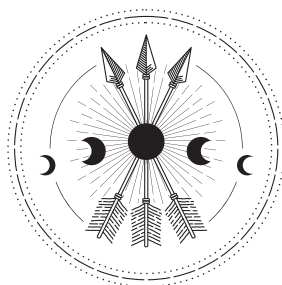
— Ты сегодня был нянькой для истеричной пустышки, Тать, — сквозь дремоту хмыкнула я. — Спасибо.

— Я своих не бросаю, — отозвался боец и надел мне на голову тёплую пушистую шапку. — А ты, мелкая, особенно своя. И ни разу не пустышка, и не истеричная. Я таких баб ещё не встречал, ясно?

Длинный мех полностью закрыл обзор, но я не стала убирать шапку со лба. В трюме всё равно было темно и сыро, а такая преграда будто отгородила меня от всех проблем — прошедших или грядущих.

— Ясно, — зевнула я в ответ и обхватила широкое плечо в знак благодарности.

Завтрашний день обещал новые трудности, но сейчас меня ждал путь домой и крепкий сон, утаскивающий в свои объятия, как в морскую пучину. Последним, что я услышала, было тяжёлое мужское сопение и стук крышки портсигара.

ГЛАВА 2

ВАЛЬС В ТЕМНОТЕ

Покупка платья оказалась пустяковым делом. Я даже пожалела, что утром нервничала по этому поводу и поднялась пораньше, чтобы успеть закончить все приготовления.

После морской прогулки мой сон был похож на маленькую смерть: вернувшись с Гриффорда, я рухнула на кровать бесчувственной тушей и, кажется, за ночь даже не пошевелилась. И не шевелилась бы весь следующий день, но песня Сирены, по обыкновению своему, начала новое утро и напомнила о том, что я всё ещё дышу. К горькому сожалению, каждый новый вдох приносил отдельное воспоминание: платье, причёска, Приют, маскарад. Господин Демидург и его знатные прихвостни. Простонав в подушку оскорбления, я всё-таки отодрала себя с корнями от постели и отправилась на Тифоний бульвар.

«Почему ты позволяешь ему использовать тебя?» — спросил Каас голосом Джера, когда лавочка «Дамские туалеты» пыхнула мне в лицо пыльным запахом пудры и вихрями пышных кружев. Естественно, вопрос я проигнорировала. Всё вокруг было такое сверкающее, шуршащее и пёстрое, что я едва не сбежала в соседний «ОружейНОРМ»: любоваться единственно приятным блеском — блеском стали. Женские наряды поначалу свергли меня в растерянность, а позже — в панику: я понятия не имела, по какому принципу нужно подбирать платье, и даже хотела

вернуться в академию за Фидерикой. Но, как только глаза привыкли к нарочитой яркости, я всё же смогла найти способ оценить ассортимент магазинчика.

Главным и однозначным критерием в выборе вечернего туалета стала цена. Нет, я больше не была нищей сироткой и благодаря добыче кроуницколя и куртажикам Голомьяса могла бы позволить себе практически любое платье из местной лавочки, но тратить на такую ерунду посчитала неразумным.

Во-первых, сумма оплаты за третий год обучения в академии была ещё очень далека от необходимой, а во-вторых, спускать свои в прямом смысле кровно заработанные лирны на прихоть Демиурга показалось мне плохой идеей. В конце концов, я ведь не собиралась соблазнять гостей Приюта, а только выказать им своё расположение. Для этого сгодится и радушная улыбка. Фальшивая, конечно.

Обрадовавшись удобным доводам, платье я выбрала скромное, светло-рыжее, отделанное жёлтой тесьмой, с приятным ценником в тридцать лирн. Не менее приятная владелица лавочки прямо просияла от моего выбора. Улыбчивая женщина была так рада расстаться с этим нарядом, что пообещала мне скидку. А когда узнала, что я не собираюсь обременять её примеркой, и вовсе вручила мне в качестве подарка милую сумочку, похожую на жирного цыплёнка. «Выйдет прекрасный вечерний комплект», — убедила меня напудренная лавочница.

С маской дела обстояли сложнее. Разложенные на зеркальной витрине кусочки кружев и перьев стоили не меньше доброй сотни лирн, что категорически не нравилось моей скупости. Я всячески испытала маскарадные аксессуары на прочность: помяла, поскребла ногтем, изучила крепления. Последние оказались весьма непрочными, что никак не оправдало в моих глазах стоимость украшений.

В конце концов я почти наугад остановила свой выбор на кружевной лисьей морде. Ажурное золотистое переплетение имитировало рыжую хищницу и почти не скрывало лица. Но

я и не питала иллюзий по поводу того, что мне удастся сохранить инкогнито в Приюте: знак соединения мгновенно выдаст личность Юны Горст, даже если лицо её будет скрыто стальным шлемом.

На покупку снаряжения ушло не больше получаса, и в четверть двенадцатого я уже стояла на сверкающей изморозью мостовой Тифоньего бульвара в окружении пёстрых витрин и прижимала к себе шуршащий свёрток.

Кроуниц вовсю предавался праздничной радости: фасады домов украсили флажками и золотистыми коронами, искристый сверкающий дождь стекал с козырьков крыш, иллюзорные ели подмигивали магией, а живые деревья расправляли колко-инестые ветки, заполняя улицы ароматом хвои.

«Во имя Квертинда!» — слышалось из окон лавочек, из-под каменных арок и разносилось вдоль тесных улиц.

Развесёлые горожане торопились по своим делам, дети хрустели цветными леденцами, а невесомый сегодня снег лениво осыпал город серебристой пылью.

Пышущий заразительным ликованием народ смело улыбался друг другу, и я легко окунулась в эту звенящую и хохочущую атмосферу. Бодро прошла по торговому бульвару — в этом году у меня была возможность купить маленькие сувениры всем, кого хотелось поздравить.

Для парней из банды очень кстати подвернулись крохотные флаконы душистой воды «Влюблённый оборотень». Рудвик за лотком уверял, что привёз ароматы из самого Батора, где знают толк в том, как должен пахнуть мужчина. Нюхать я не стала, просто сгрузила пузырьки в походный мешок и, подумав, дополнила покупку двумя плетёными браслетами для Фиди и Сирены. Оставляю их на подушках в комнате, чтобы избежать неловкой церемонии вручения.

Торжественная суета так захватила меня, что я чуть было не потратила весь свой бюджет на подарки для преподавателей Академии и бойцов Ордена Крона. Но вовремя остановилась

и зашагала вдоль деревянных лотков со сладостями и горячими чанами бузовника.

Ближе к рынку Южного квартала веселье шло полным ходом: девушки раскручивали пышные юбки с бордовыми лентами, музыканты вразнобой звенели лютнями и гудели дудками, а нетрезвые уже горожане басили песни, славящие Квертинд и Иверийскую династию. Прямо под ноги им выливали помои и кидали овощные очистки торопливые хозяйки, галдели навязчивые торговцы, сновала ребятня с вёдрами и шлёпали деловитые рудвики, но такая теснота совсем не беспокоила жителей бедного района. Кажется, сегодня их невозможно было отвлечь от торжества.

— Во имя Квертинда, студентка! — кинулся меня обнимать какой-то обезумевший старичок, когда я протискивалась к мясной лавке.

В нос ударил затхлый запах старости и кислый — дешёвого хмеля. Но я всё же похлопала по плечу незадачливого квертиндца, который тут же раскрыл объятия следующей жертве.

Долго задерживаться не стала — обогнула толстого мясника в переднике, перепрыгнула лужу и замедлила шаг, останавливаясь напротив аккуратной старушки, стоящей на широких ступенях крыльца. Мимо торопились покупатели, хлопала дверь популярной сегодня мясной лавки, тянуло копчёностями и свежей кровью. Старушка, как и недавний старичок, славила Квертинд и охотно поздравляла всех спешащих по своим делам жителей Кроуница.

Побитое молью пальто, прикрытое чистенькой ажурной шалью, и маленькие перчатки с пуговками делали старушку похожей на куколку, любимую своей хозяйкой. Заметив мой взгляд, она обрадовалась ещё больше и протянула один из своих товаров:

— Купите игрушку в подарок, они приносят счастье!

Назвать её по имени язык не поворачивался: не хотелось смущать мастерицу и выдавать то, что я пришла именно к ней. Она замёрзла — нос и кончики ушей, торчащие из-под низенькой шляпки, покраснели, но глаза старушки улыбались.

— Остались только хоботороги. — Женщина виновато вручила мне тряпичного зверька и смутилась. — Они не очень популярны среди покупателей.

Я взяла в руки поделку крупной вязки. Разобрать животное в ней было трудновато: на морде торчало два рога разного размера и ярко-фиолетовый хобот с милым пяточком на конце. Хвостом служил пучок пряжи, правым глазом — жёлтая пуговица, левым — оранжевая бусина.

— Вам нравится? — шмыгнула носом Линда, осторожно доставая чистый платочек из кармана пальто.

— Он прекрасен! — отчего-то выпалила я и сунула в замёрзшую старушечью ладонь три лирна.

— Это слишком много! — запротестовала мастерица и попыталась вернуть мне деньги, но я отошла на два шага.

— Купите сегодня сладостей, — попросила я смущённую леди. — Праздник же! Во имя Квертинда!

— Во имя Квертинда! — рассмеялась Линда и промокнула платочком уголки глаз. — Спасибо, милая девушка! Он принесёт счастье своему владельцу. Подарите его тому, кого любите!

Она потрясла ладонью с монетами. Радостный свет в глазах мастерицы напоминал тот, что струился сквозь наши с Джером пальцы.

— Кого люблю... — В носу защипало, и я едва удержалась, чтобы не чихнуть. Отвернулась и поблагодарила: — Спасибо, Линда!

Зашагала быстро, оставив растерянную женщину с монетами, а потом и вовсе побежала, разгоняя толпу.

В комнате № 322 мерцала иллюзорная ёлка.

Это было самое красивое праздничное украшение из всех, что мне доводилось видеть — идеально ровные пушистые веточ-

ки подрагивали вместе с жемчужными бусами, гармонично вплетёнными в бордовые ленты магии. И даже венчающая дерево корона светилась мягкими приглушёнными искрами, как свежий снег в солнечном свете. Глаз не отвести!

Вдоволь налюбовавшись прекрасным творением мага Мэндэля, я с тяжёлым вздохом перевела взгляд на зеркало. Как раз в тот момент, когда дверь отворилась и на пороге появились две другие хозяйки комнаты.

— Юна? — вытаращила глаза Фидерика, схватившись за косяк, чтобы не упасть.

— Это просто иллюзия, — заявила Сирена, поочерёдно стягивая длинные перчатки. — Наверное, Куиджи решил оставить нам шутку-сюрприз.

— Ну, — развернулась я к подругам, чтобы развеять сомнения в своей материальности. — Как вам?

Затопталась на месте и захотела обхватить себя руками, но это помешало бы демонстрации наряда. Поэтому я просто развела руки в стороны и хлопнула себя по бёдрам: мол, оценивайте. Потом сообразила, что комплект нужно дополнить, и схватила с кровати пухлую сумку-цыплёнка, располневшую ещё сильнее: она уже успела сожрать хоботорога.

— Если хочешь подарить эту старомодную сорочку своей бабушке, то отличным дополнением станет ночной чепчик. — Сирена упёрла руки в бока. Она явно хотела добавить что-то ещё, но заметила браслет у себя на подушке. Мне показалось — подобрела. По крайней мере замолчала.

— Почему ты не попросила меня помочь тебе с выбором? — осторожно обошла меня по кругу Фиди, воздерживаясь от комментариев.

— Да бросьте! — виновато заулыбалась я. — Отличное платье. Оранжевое. Чуть-чуть совсем не по размеру.

И снова уставилась в зеркало. В плечах наряд сидел отлично, но вот в груди был тесноват. А в талии плотные складки заметно топорщились, и непосвящённый человек мог бы

принять меня за беременную даму. Сильно беременную даму.

— Маска красивая, — Сирена ткнула пальчиком мне в лоб. — Точно получше чёрного чулка на голове. Смотрите-ка, в элегантности Юны Горст наметился прогресс!

— Юна, какая прелесть! — выпалила Фиди, обматывая запястье браслетиком. — Он очень милый! Спасибо!

Девушка кинулась обниматься, и я охотно обхватила её мягкие плечи. От Фиди пахло тарокко и эдельвейсом — точно так же, как от меня самой. Я снова невольно взглянула на мерцающую иллюзию, подрагивающую на нефритовом подоконнике. За окном падал мягкий, медленный снег, дополняя праздничную картину Дня Династии.

— У нас побывал Куиджи? — догадалась я, когда Фиди отпустила меня и принялась рассматривать свой подарок.

— Вообще-то в этой комнате живёт другой ментальный маг, — Сирена назидательно подняла палец и указала им на ёлку: — Эта иллюзия — творение Фидерики, а не её будущего мужа.

— Она потрясающе красивая! — похвалила я.

— Тебе нравится? — Фиди прижала ладони к щекам, по-хозяйски осматривая иллюзорную ель. — Она получилась крохотной, потому что пока мой порядок слишком маленький, но я прибавила капельку магии Нарцины при создании, — девушка довольно тряхнула рыжими кудрями и задумалась. — Точнее, наоборот: к магии искусства прибавила ментальную... — Она вновь замолчала, оглядывая меня с ног до головы.

— Ты можешь смешивать магию? — больше для поддержания беседы спросила я и всё-таки обхватила себя руками.

Сирена откинула крышку нарядной коробки и зашуршала упаковочной бумагой, извлекая на свет тонкую полупрозрачную ткань нежно-фиолетового цвета. Она потянула за собой гладкий переливчатый атлас юбки. Восхищённый вздох вырвался сам собой. Лёгкое сожаление поскреблось в затылок, и я почесала

ещё влажную после душа шевелюру. Всё-таки надо было взять с собой помощницу в выборе наряда...

— Это несложно. — Фиди осматривала меня так же, как недавно свою ёлку — оценивающе, чуть прищуренно и совершенно по-деловому. Между бровей девушки залегла складка. — Ты ведь не пойдёшь на торжественный бал в сапогах?

— А? — отвлеклась я от размышлений о собственном промахе и уперлась взглядом в побитые мысы любимой обуви. — Их ведь не видно под юбкой?

— Можешь взять мои прошлогодние, — предложила Фиди и вытащила из-под кровати слегка помятую коробку. — Это босоножки. Они не слишком подойдут к твоему наряду, да и до бестиатриума придётся нести их в руках, но идти на праздник в сапогах под платьем — это... это... — Она замялась, будто в один миг стала прежней застенчивой Фидерикой Уорт, а не успешным ментальным магом.

— Это в стиле сорокиной дочери. — Сирена, в отличие от Фиди, в выражениях не стеснялась. — Не удивлюсь, если ты их даже не вымоешь от грязи перед танцами.

— Сорокина дочь недавно разгребала результаты вздорной глупости под названием «Я хочу стать женой таххарийца», — не осталась я в долгу. — А это очень-очень грязное дельце, можешь мне поверить. Так что будет справедливо, если ты хотя бы вымоешь мои сапоги после этого, Сирена.

— Вот ещё! — сморщила носик серебристая лилия. — Может, расскажешь нам, почему после твоего вмешательства Лоним больше не разговаривает с Куиджи и даже отказался приходить на его свадьбу? А когда речь заходит о тебе, Рилекс вообще без возражений соглашается со всем перечнем недостатков Юны Горст?

Сирена отвлеклась от своего воздушного платья и вопросительно поджала губы. Ей больше нравилось, когда Лоним всё-таки спорил с ней по поводу моих качеств.

— Последствия благих намерений, — в ответ передёрнула плечами я. — Это было лучшим решением и меньшим злом.

— Примерь, — вмешалась в спор Фиди, пододвигая мне обувь, больше похожую на связку ремешков.

— Это даже интересно, — растеряла ехидный запал Сирена, наблюдая, как я пытаюсь протиснуть стопу в мягкие облучки из бежевой кожи. — То, как однобоко ты подходишь к решению любых трудностей.

Пока мы со студенткой Эстель вели битву взглядами, Фидерика присела передо мной и помогла: сама затянула мелкие замочки, расправила и перевернула тонкие полоски на лодыжке.

— Спасибо, — поблагодарила я подругу и оценила результат её усилий.

После массивной подошвы сапог босоножки казались какими-то маленькими, прямо крохотными. Нога на невысоком каблуке стояла неустойчиво, то и дело намереваясь завалиться на один из боков. Зато размером обувь оказалась впору. Я подпрыгнула и прикинула, какво будет стрелять из стойки в столь шатком положении. Сморщилась — то ли от ощущений, то ли от осознания того, что Карнеум придётся оставить дома.

— Ещё кое-что, — увлечённая Фидерика буквально накинута на меня, и я инстинктивно дёрнулась от неё прочь. Но Фиди — с удивительным для неё проворством — оказалась рядом и несколько раз обвила широкой лентой мою талию, подбирая вспученные складки и что-то приговаривая себе под нос. Явно не заклинания Нарцины, но и не едкие комментарии по поводу моего выбора, что уже было неплохо.

— Так лучше, — с долей сомнения выдала серебристая лилия, поглаживая подбородок.

— Лучше. — Встала с ней рядом Фидерика и снова прищурилась. — Нужно волосы подобрать.

Так действительно было гораздо лучше, судя по отражению. Ленты Фидерики служили небольшим корсетом, поэтому талия отчётливо обозначилась на фоне бёдер, и даже грудь стала казаться больше. Вдобавок концы лент закручивались в милый бантик где-то за спиной, не оставляя сомнений в нарядной жен-

ственности. Дело оставалось за малым: не растерять опрятный вид за поездку на капране до самого Приюта — и Демиург точно останется доволен.

Наряд выглядел законченным, но студентка Уорт не остановилась — она вооружилась ножницами и иголкой, аккуратно чикнула оранжевый лиф где-то под мышкой и принялась подгонять платье по фигуре. Сирена фыркнула и удалилась в комнату гигиены — наводит красоту.

Одну тонкую ниточку Фиди велела мне зажать между зубов, объяснив это какой-то нелепой приметой, но я заподозрила, что это для того, чтобы я не отвлекала подружку разговорами.

Я и не отвлекала. Молча стояла бездвижной куклой, которую наряжает заботливая хозяйка. Выполняла короткие команды: повернись, придержи ткань, подними волосы. И думала о том, что роль покорной куклы будет сопровождать меня весь праздник. Только вот сосредоточенная Фидерика, закусывающая от увлечения губу и пыхтящая над каждым стежком, не претендовала на игры с моей душой и приказы отдавала простенькие. О том, какие приказы будет отдавать Демиург, я старалась не думать, но тоже, как и Сирена, поглядывала на часы с замиранием сердца. Грядущая торжественная ночь нервировала мрачной таинственностью, но я ничего не могла с этим поделать.

Иголка в пальчиках Фиди взмывала вверх и снова ныряла в рыжую ткань, прихватывая ленты и собирая излишки материи. Мягкие блестящие локоны девушки почти сливались с цветом моего платья и щекотали каждый раз, когда она склонялась слишком близко.

Мне стало неловко.

Всё это время я думала только о себе, принимая заботу Фиди как должное. А ведь она не была обязана помогать! Подруге приходилось возиться со мной, вместо того чтобы самой готовиться к празднику. Я мысленно пообещала себе в следующий раз не экономить на наряде и обязательно спросить совета у той, для кого мода была родной стихией. Даже роднее стихии разума.

— Фиди, — наконец не выдержала я и выплюнула уже промокшую нить, — ты и правда настоящий маг Нарцины! Это твоё призвание!

— Настоящих магов Нарцины учат в Мелироанской академии благородных дев. Но туда принимают девушек только благородных фамилий. — Фидерика затянула последний узелок, отрезала нитку и взбила руками неожиданно пышную юбку рыжего платья. — Мне туда не попасть.

— Ты уже всё умеешь, — я покрутилась перед зеркалом, довольная удачным преобразованием. — Кстати, когда ваша с Куйджи свадьба?

— Мы назначили дату, — просияла подруга. — Отметим прямо в академии, в Церемониальном зале, на двести девяносто четвёртый день от Красной Луны. Весна — отличное время для торжественной церемонии. Ты ведь придёшь, Юна?

— Конечно, — довольно кивнула я и снова уставилась в зеркало. — Ни за что не пропущу свадьбу лучших друзей!

Платье изменилось до неузнаваемости. Стараниями Фидерика я выглядела как настоящая высокородная леди: изящная, аккуратная и очень нарядная. Юна Горст и правда стала похожа на торжественную иллюзию самой себя. Даже удивительно, сколько радости мне принес собственный образ.

— Спасибо, Фиди! — не стала я сдерживать эмоции и обняла подругу.

— Я смотрю, ты полюбила праздники, — цокнула вернувшаяся мокрая Сирена. — Каково это — отмечать День Династии, которую прикончила твоя мать?

— О боги, Сирена! — рявкнула я самое приличное, что пришло в голову. — Надо было отдать тебя таххарийцу! Или той ведьме, что едва не сожрала нас прямо посреди атхавара! Почему-то, когда я тебе вдруг понадобилась, ты забыла о преступлении Тезарии Горст и охотно воспользовалась услугами сорокиной дочери! — Я схватила расчёску и чуть было не швырнула её в подругу, но вовремя одумалась — только угрожающе ткнула

гребнем в сторону язвительной леди. — Зачем я только пошла за тобой в это пекло?!

Даже в платье Юна Горст осталась сама собой и при первой же возможности вооружилась. Но впечатление это произвело только на Фиди: она осторожно шагнула назад и опустилась на стул.

Студентка Эстель даже не заметила, в какой опасности находится, и не услышала, как запела боевая сталь в ворохе привычной мне одежды. Она вообще, казалось, пропустила гневную речь мимо своих увешанных серьгами ушек. Мокрые потемневшие локоны прилипли к затылку и щекам девушки, но даже это её не беспокоило. Серебристая лилия задумчиво перебирала украшения в большой шкатулке. Бусы, ленты, кольца, заколки то и дело покидали своё привычное место и с приятным тихим щелчком падали обратно.

От такого невнимания я рыкнула и всё-таки швырнула расчёску, но не в Сирену, а на свою кровать. Тролье дерьмо! Глупо было надеяться, что какой-то браслет исправит наши отношения. Даже мои попытки сбечь её от таххарийца ничего не значили для бывшей подруги. Избалованная леди Эстель не умела признавать ошибок и быть благодарной.

— Только бы он меня не выбрал, — неожиданно обречённо вздохнула серебристая лилия, когда я немного успокоилась. — Боюсь, нас с ним в этом случае ждёт неприятный разговор. Моё сердце принадлежит Лониму, теперь я это знаю точно. Объясняться с хьель-амиром мне бы не хотелось — отказы всегда больно ранят мужчин.

Вряд ли вонючего таххарийца можно было ранить — хоть словом, хоть клинком. Джеру это удалось в поединке, но он был магистром боевого факультета и настоящим мастером битвы. Лоним же таким мастером не был, хоть и слыл одним из лучших студентов Омена. Грязное, нехорошее предчувствие мазнуло изнутри, и я вмиг угадала то, о чём думала Сирена, перебирая свои драгоценности. И даже... посочувствовала ей.

Между бледных пальчиков мейлори серебристой лилии вдруг мелькнула тонкая длинная игла. На миг показалось, что Сирена хранит стилет среди своих побрякушек, но это оказалась острая шпилька с фигурным золотистым наконечником. Мимо прошуршала Фиди, обдав меня привычным нам обоим ароматом.

— Можно? — осторожно спросила студентка Уорт и буквально выдернула иглу из ладошек Сирены. Но быстро оправдалась: — Юне как раз подойдёт под наряд.

— Конечно! — всплеснула руками Сирена. — Давай отдадим ей всё, что у нас есть! — Она поднялась и зашлёпала босыми ногами прямо по каменным плитам. Но всё-таки разрешила: — Можно. Это подарок троюродной тётки. Ненавижу её.

— Похоже на отличный кинжал, — я взвесила на ладони тяжёлую шпильку, когда Фиди вручила мне опасное украшение. Прищурила глаз и примерно прикинула расстояние до Сирены. Точный выйдёт бросок, без промаха. — Можно хранить в сапоге: удобно доставать в неожиданный для противника момент.

Движущаяся цель в виде Сирены поджала пальцы и задрала вздёрнутый носик.

— Не забудь вернуть, — предупредила подруга. — Тётка ужасно расстроится, если узнает, что я избавилась от её фамильной заколки.

— Непременно, — растянула я губы в ехидной улыбке вместо благодарности.

И прямо заёрзала от предвкушения: если эту штуку вставить мне в причёску, то я не останусь без оружия на празднике! Конечно, Чёрный Консул с большой долей вероятности не сможет проникнуть в Приют, но вдруг он умеет ходить сквозь стены?

Метнулась к кровати — туда, где в ворохе формы был зарыт Каас. Задрала платье, притулила ремень с коужухом на бедро — так ещё лучше! Теперь я не только нравилась сама себе, но и чувствовала привычную уверенность — шуршащий ворох юбок прекрасно скрывал уже потёртую бордовую рукоять верного стального друга.

«Мы вышли на новый уровень отношений», — пошутил Касас, охотно расположившись поверх резинки чулка.

Я усмехнулась сальной шутке и сделала дурашливый поклон Фидерике, застывшей с гребнем в руках. Она, в отличие от меня, собиралась использовать его по назначению: уже приготовила стул для своей нарядной куклы и горстку шпилек.

Где-то в коридоре радостно завизжали девичьи голоса и застучали каблучки — хлопотная суета захватила всё женское крыло замка Кроуницкой академии, и я неожиданно поняла, что тоже предаюсь ей с некоторым удовольствием. Присела на край стула и выпрямила спину, подставляя макушку заботам подруги. Прикрыла глаза и почти замурыкала от наслаждения, когда Фиди принялась расчёсывать волосы.

Было что-то неуловимое и очень ценное в том, чтобы на одно праздничное утро стать обычной девушкой, верящей в лучшее и ожидающей чудес.

Мороз сковал наледью торчащие из-под снега кусты, и ветки их казались прозрачными кристаллами из пещер Трескималя — хрупкими, звонкими и сверкающими. Проглянувшее сквозь серую завесу закатное солнце лизнуло снег бледными лучами, добавив яркости и без того ослепляющему окружению.

Я сощурилась и осторожно приподняла длинную юбку платья, спускаясь с каменных ступеней. Шагала медленно, чтобы ненароком не упасть и не растерять наведённую Фидерикой красоту.

Ёлки-сугробы выстроились торжественным рядом вдоль широких аллей. Зима в праздничный день пыхнула снегопадом, и мир сделался сверкающим и пушистым, как белоснежный плюшевый медвежонок на витрине игрушечного магазина — ещё совсем новый, не тронутый детскими ладошками.

На дорожках былолюдно: свирыв светло-зелёных мантиях покинули стены академии и принялись украшать двор праздничного замка, отмахиваясь от летящего снега.

В высоких арках бестиатриума то и дело мелькали ленты зелёной магии, вспыхивали оранжевым стены, мельтешили рудвики. Подготовка к торжественной ночи шла полным ходом. Я вздохнула, понаблюдав издали за превращением любимой мной боевой арены в танцевальную площадку, и свернула в другую сторону — туда, где находилось ещё одно дорогое сердцу строение.

Ближе к комплексу святилищ встретилось не меньше десятка пушистых помощников, ретиво тянущих высокую пышную ёлку прямо по заиндевелой тропинке. Я обошла их, стараясь держаться как можно дальше, и наткнулась на стайку хохочущих целительниц. Девушки поедали сливочную карамель у святилища Девейны, но, увидев меня, резко замолчали, а потом зашептались.

— Брысь! — рявкнула я как можно громче, и под ближайшей ёлкой сорвался с места мелкий зверёк.

В отличие от него целительницы только опасливо оглядели меня с ног до головы, будто надеясь, что я прогоняла не их. Или что я вообще не сорокина дочь Юна Горст, а вежливая леди в нарядном платье. Пришлось внести ясность.

— Пошли вон отсюда! — грозно прикрикнула я и даже потянулась было за Каасом, но рука нащупала только ворох ткани над кожухом.

Ухнула от досады — сомнительная получилась угроза. Но и такой хватило, чтобы студентки вздрогнули и по одной зашагали прочь от церемониального комплекса. Там, где они стояли, остались только одна яркая варежка и пара выпавших леденцов.

Я отпихнула утерянную одежду ногой, снова повыше задрала юбки, схватила их в охапку вместе с кучей барахла — сумкой,

босоножками, маской — и зашагала по сугробам прямоком к покосившимся воротам военного штаба банды изгоев.

— Ты не понял, — донёсся из храма рудвиков голос Куиджи. — Маскиг'овка иллюзией, по сути, является обманом г'азума — заклинание пятого пог'ядка, мне пока недоступное. — Он громко вздохнул и изменил интонацию, явно копируя магистра Риина: — Видеть, но не замечать. Слышать, но не понимать. Так пг'ячут пг'едметы на видном месте или даже здания...

— Во имя Квертинда! — прервала я занудную речь, распахивая двери.

Парни мне явно обрадовались, но потом остолбенели, обнаружив под форменной накидкой непривычный вид, и наконец как-то насмешливо заулыбались.

— Ты похожа на сморщенный абрикос, — хмыкнул Комдор, усаживаясь на крышку клавесина.

За его спиной мерцала ёлка — гораздо менее привлекательная, чем та, которую я видела в комнате, но зато эта иллюзия была высокой и почти не дрожала. Нед вынул кинжал и принялся ковырять и без того поломанные клавиши.

— Очень кг'асивый наг'яд, — вежливо похвалил Куиджи, уступая единственный стул.

Мон опустил глаза, покраснел и кинулся закрывать за мной ворота в храм рудвиков. Дохлой крысой тут уже не воняло, лишний мусор мы вынесли ещё месяц назад, так что в военном штабе банды царил некоторый уют.

— Я ненадолго, — постучала я сапогами, сбивая снег с подошв. Свалила девичью ношу кучкой на свободный стул и принялась раздавать подарки.

Это было не очень хорошим решением — тратить драгоценное время на поздравление банды изгоев, но я не смогла себе отказать в этой прихоти. В День Династии мне было необходимо увидеть тех, в ком я была уверена и кого любила, — короткий

момент искренности с близкими людьми перед маскарадом лицемерия.

Парни благодарили от всего сердца, нюхали флаконы с надписью «Влюблённый оборотень» и даже не кривились.

— Пахнет шалфеем и лавандой, — повёл носом Мон и в очередной раз откупорил притёртую пробку.

— Кряхт, — ругнулся Комдор. — Забыл про подарки! Но с меня выпивка!

Я строго глянула в сторону Неда, но комментировать не стала. Мон завозил ногой по полу и опустил голову: должно быть, тоже забыл. Но это сущие мелочи. Самое важное то, что каждый из банды помнил о клятве.

— Мы с Фидег'икой тоже пг'итовили всем сюг'пг'изы, но вг'учим их на пг'азднике, — важно сообщил Куиджи.

— Меня Фиди и так сегодня одарила, — я указала на своё платье, и парни с сомнением оглядели его. — Кстати, красивая ёлка! Здорово, что ты украсил наш штаб!

— Ты её видишь? — отчего-то расстроился Куиджи и прямо сник.

Хотелось уточнить, почему учтивый комплимент вызвал такую реакцию, но глаз зацепился за циферблат с Иверийской короной. Часы показывали половину пятого, и это означало, что времени у меня почти не осталось. А перед отправлением в Приют я собиралась посетить ещё одного, самого важного человека...

— Мне пора, — коротко кинула я и торопливо засобиравалась.

Натянула перчатки, подхватила своё барахло и, обернувшись у самого выхода, обнаружила озадаченные физиономии. Банде явно было интересно, куда я собралась. Пришлось частично посвятить их в свои планы на ближайшую ночь.

— В бестиатриуме меня не будет, — сразу предупредила я, чтобы отсечь лишние вопросы. — У меня дела в Кроунице, так что встретимся уже завтра. — Куиджи открыл рот, но я торопливо перебила его ценными указаниями: — Держитесь подальше от Ракель и её шайки прихвостней. Особенно следите за

Родриком Трейсли: он трусливый ублюдок и может нагадить по-тихому.

— А ты... — всё-таки начал Лампадарิโอ, но я снова его заткнула.

— Буду со своим ментором, — уверенно соврала я, и на лицах друзей мелькнуло облегчение и понимание.

Возможно, когда они увидят Джера в бестиатриуме, вопросы у них снова возникнут, но объяснения я решила оставить на потом. Сейчас слишком волновалась перед предстоящей встречей. Да и платье с причёской сковывали не только движения, но и мысли — приходилось контролировать каждый шаг и каждый взмах, чтобы ненароком не разрушить хрупкий наряд.

— Во имя Квертинда! — помахала я на прощание и, получив такой же ответ, дёрнула тяжёлые створки.

Ворота поддались не сразу, пришлось протащить их волоком, расчищая небольшой сугроб у выхода. «Надо будет починить», — мелькнуло в голове, когда я уже отошла на пару десятков шагов. Ступила на расчищенную дорожку, с облегчением отпустила порядком надоевшую юбку и только теперь заметила спешащего следом за мной Мона.

— Значит, тебя не будет на празднике? — запыхтел Монтомери, уткнувшись взглядом в святилище Девейны.

Я напряглась. Объясняться совсем не хотелось, а лишние распросы нервировали похлеще тянущегося ожидания.

— Не будет, — сквозь зубы процедила я, демонстрируя нежелание беседовать.

— Я думал, что... — Он обхватил свой тиаль, отпустил и снова обхватил. — Ну, что все будут танцевать, а ты не будешь, потому что не любишь. Я люблю, но... — он кинул на меня короткий взгляд и затоптался на месте, — ...тоже не буду, конечно. Или, может, мы могли бы с тобой, как на занятиях Банфик... — Парень замолчал, будто ждал, что я соглашусь.

— Мон, я не буду танцевать, — терпеливо выдохнула я. — Ни в бестиатриуме, ни где-либо ещё.

— Так и знал, — победно заключил он и улыбнулся, погладив пухлой ладонью ёжик волос. — Поэтому хотел вручить на празднике, как Куиджи, но... Вот. Это тебе, Юна.

Монтгомери протянул небольшой футляр из бежевого шёлка и сдавленно икнул.

— Спасибо, — спешно поблагодарила я и сразу же сунула любопытный нос в коробочку.

Внутри лежала идеальная бусина. Изящное и нежное украшение для истинной леди, с которой наверняка меня можно было сегодня перепутать. Но я не была леди. И никогда не носила ничего подобного. Поэтому не знала, как реагировать. Пропшла минута, другая, а я так и стояла, всматриваясь в переливчатый перламутр. Мне ещё никто не делал подарков вот так, из рук в руки, и сейчас я вдруг осознала, что принимать их — не так уж и просто. По крайней мере, у меня совершенно не было опыта.

— Тебе не нравится, — погрустнел Мон. Он почесал замёрзшее ухо и спрятал руки в карманы накидки. — Я просто не знал, что нужно дарить девушкам. А ты вообще... не совсем девушка.

Нежно-розовая горошина размером с бруснику сияла даже ярче окружающего снега. Я аккуратно поддела бусину, и она потянула за собой тонкую золотистую цепочку.

Мимо прошагал недовольный поварёнок с огромным подносом ароматного печенья, и я едва не выронила подарок — поймала его буквально у самого сугроба. Со стороны площади заголосили восславления, захохотали студенты.

— То есть, конечно же, ты девушка! — как-то яростно оправдался Мон, будто злясь на студентов или на самого себя. — Просто я знал, что ты не любишь все эти женские штучки, но всё равно... — он облизал губы.

— Мне нравится, — прервала я смущённую речь. — Похожа на крохотную луну. Такая... ровная. И красивая.

— Правда? — вытаращил глаза друг.

